

Новгород Великий

Рисунок XIV века

К статье В. А. Никитина «Слава и щит Руси», сс. 270—320

Собор во Имя Святой Софии, Премудрости Божией, в Новгороде

К 1125-летию Новгорода

В. А. НИКИТИН (Москва)

СЛАВА И ЩИТ РУСИ (Новгород Великий в X—XV вв.)

Вступление

«Новгород, — говорили в XIX веке, — опочил»... Но разве есть в России другой город, сохранивший такое множество замечательных, самых разнообразных памятников старины, донесший до нас столько исторических преданий и поэтических легенд?

Вдохновенные строки посвятили Новгороду В. А. Жуковский и А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и А. К. Толстой, Иван Суриков и Сергей Есенин; его славное прошлое воспели А. А. Бестужев-Марлинский, Н. М. Карамзин, В. К. Кюхельбекер, М. П. Погодин и многие другие выдающиеся поэты, писатели, историки¹.

«История Новгорода, — писал Н. М. Карамзин, — составляет любопытнейшую часть древней Российской. В самых диких местах, в климате суровом основанный... он умел возвыситься до степени Державы знаменитой... еще в X веке торговал с Царемградом [Константинополем], еще во XII посылал корабли в Любек, сквозь дремучие леса открыл себе путь до Сибири и, горстью людей покорив обширные земли между Ладогою, морями Белым и Карским, рекою Обью и нынешнею Уфою, насадил там первые семена гражданственности и Веры Христианской; передавал Европе товары Азиатские и Византийские, сверх драгоценных произведений дикой Натуры; сообщал России первые плоды ремесла Европейского, первые открытия искусств благодетельных; славясь хитростию в торговле, славился и мужеством в битвах... Жители его хвалились и тем, что они не были рабами Моголов...: хотя и платили дань Ордынскую, но Великим Князьям, не зная Баскаков и не быв никогда подвержены их тиранству» (96, т. VI, гл. 1).

В древности Русская земля разделялась на четыре главные области, в соответствии с четырьмя речными системами: Новгородская Русь (Волхов), Кривская или Полоцкая (Зап. Двина), Киевская Русь (Днепр) и Владимиро-Ростовская Русь (Волга).

«Географическое положение России таково, что у нее всегда было два лица: одно, обращенное на Запад, и другое — на Восток. Благодаря этому положению Россия была державой Евразии, и последующая ее история характеризуется чередованием ее интереса к Востоку и к Западу» (Дж. Неру. «Взгляд на всемирную историю», т. 2, М., 1975, с. 443).

Испокоин веков Новгородская Русь поддерживала с различными странами Востока и Запада политические и торговые отношения, которые то усиливались, то ослабевали, но никогда не прерывались. С самого начала русской государственности (IX—X вв.) Новгород на протяжении нескольких столетий успешно развивал довольно тесные и оживленные контакты с Византией, Северной и Западной Европой, с балканскими странами, а также, временами, — с далекой Персией и Средней Азией. Можно с полным правом говорить о том, что в период Средневековья Новгород был для Руси тем, чем стал для России Петербург в начале XVIII века — «окном в Европу», и не только в Европу (12, с. 68).

Киевская Русь и в особенности Новгород Великий были в домонгольский период не только открытым рынком для Византии и соседних западноевропейских госу-

дарств,—они были соединены с ними общей религией, духовными традициями, церковными и культурными связями. В Новгород тянулись купцы, путешественники и миссионеры из Норвегии, Швеции и Дании, из Германии, Франции и Италии, из Венгрии, Чехии и Польши. Обычным явлением были браки русских князей с дочерьми и сестрами европейских государей, как и брачные союзы русских княжон с представителями европейских династий.

Отличительной чертой русских в этот период была их сравнительная веротерпимость. Святой равноапостольный великий князь Владимир «обменивался с Папами очень любезными и вежливыми посольствами, а свое внимание к латинскому епископу Бруно простер до того, что благословил его на миссионерский подвиг в половецкой степи» (98, с. 265). В Новгороде и Киеве, Полоцке и Смоленске, Ладоге и Переяславле существовали инославные храмы и при них штат инославного духовенства.

«Русские по началу своей истории,—подчеркивает проф. А. В. Карташев,—были народом вполне европейским, ничем роковым образом не отделенным от своих западных собратьев. Напротив, они находились в постоянных и самых деятельных торговых сношениях почти со всеми странами и народами Европы, как и соседней Азии» (98, с. 263).

После разделения Церкви на Западную и Восточную в середине XI века, русские, будучи ревнителями чистоты Православия, стали, естественно, с известным предубеждением относиться к западноевропейским странам, принявшим христианство в его латинской разновидности. Надо ли говорить, что такое отношение часто провоцировалось экспансией и агрессией со стороны западноевропейских государств, а также попытками Рима павязать Русь унию?

Как это ни парадоксально, но ухудшение русско-европейских взаимоотношений наступило в период татаро-монгольского ига и в большой степени было вызвано им же...

России,—писал А. С. Пушкин П. Я. Чаадаеву (19 октября 1836 г.),—определенно было высокое предназначение. Ее широкие равнины поглотили бесчисленные толпы монголов и остановили их разрушительное нашествие на краю Европы. Варвары не осмелились оставить у себя в тылу истерзанную Русь и возвратились в степи своего Востока. Христианское просвещение было спасено...» (цит. по: 37, с. 67—68, пер. с фр.).

Как же отблагодарила Европа свою героическую спасительницу Русь? Увы, Европа не только забыла о своем христианском долге — помочь единоверной (по сравнению с монголами) Руси, но и поддалась дьявольскому соблазну — покорить ее, ослабленную невиданным нашествием!

В 1240 и 1242 годах последовали «крестовые» походы против Руси шведов и тевтонских рыцарей... В этот критический момент Новгород как щит прикрыл всю Русь. Святой благоверный князь Новгородский Александр Невский, получив благословение архиепископа Новгородского Спиридона, нанес решительные поражения шведам и немцам. Таким образом удалось отстоять западные границы Русской земли, была предотвращена угроза ее раздела и порабощения. Победа новгородцев имела огромное значение не только для Руси: ее плодами воспользовались также Литва и Польша, которым удалось отстоять свою независимость от немецких феодалов (см. 259). Благодаря этой победе святой князь Александр Невский по достоинству стал великим князем всей Руси: Новгородским, Владимирским и Киевским. Новгород вновь, как и в X веке, оказался созидающим и спасительным началом русской государственности².

Последующая история Новгорода связана, прежде всего, с защитой русских северо-западных рубежей от иноземных захватчиков. Вместе со своим «младшим братом» Псковом Новгород не только обезопасил и защитил Русь в военном отношении, но и отстоял свою самобытную, подлинно национальную культуру, которую донес до наших дней.

В наше время Новгород справедливо называют городом-музеем: каждая пядь новгородской земли будит воспоминания о славном историческом прошлом; в храмах-музеях Новгорода собраны шедевры древнерусского искусства за целое тысячелетие!..

Знаменательно, что именно в Новгороде Исполнительный комитет городского Совета первым в нашей стране принял постановление «Об охране культурного слоя», предусматривающее обязательное предварительное исследование земельных участков древней части города, прежде чем использовать их под застройку. В 1971 году этот благородный почин подхватили десятки других городов Российской Федерации; понятие «участки культурного слоя» было внесено в общесоюзный «Закон об охране и использовании памятников истории и культуры».

Наша задача — сберечь и приумножить лучшие традиции русской тысячелетней культуры, — подчеркнул писатель Леонид Леонов на проходившем в Новгороде в июле 1982 года IV съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. — «Жизненно необходимо, чтобы народ понимал свою историческую преемственность в потоке чередующихся времен — из чувства этого и вызревает... вера в свое национальное бессмертие» (цит. по: 12, с. 142).

1. Новгород и варяги

Само название Новгорода («Новый город», греч. «*Νεα Πολις*», ср.: Неаполь) ставит загадку, пока еще не разрешенную: «один из древнейших русских городов носит парадоксальное имя «Нов-города» (204, с. 11).

По аналогии с западноевропейскими «неа-полисами» можно считать, что название «новый» Новгород получил по отношению к какому-то другому, «старому» городу. На этот счет учеными высказано немало предположений. Видный историк С. Ф. Платонов (см. 190) считал таким более древним городом центр приильменских славян — г. *Старую Руссу*, расположенную по другую сторону оз. Ильменя³. Однако в летописях Русса ни разу не названа старой, а на ее месте археологи не обнаружили следов поселения старше X—XI вв. Акад. Б. Д. Греков считает таким городом *Старую Ладогу*, расположенную на другом конце Волхова, в его низовьях. Ему возражают, что Ладога находилась на окраине поселений ильменских славян и не могла быть их центром. Между тем повествование составителя Воскресенской летописи как будто не противоречит ни одной из этих версий: «И пришедше Словене зъ Дуная⁴ и седше у езера Ладожьскаго. и оттоле прииде и седоша около озера Ильменя. и прозвашася именем. и нарекошася Русь. реки ради Руссы. еже впадоша в езеро Ильмень. и умножився им. и соделаша град и нарекоша Новъ град. и посадиша старейшину Гостомысла» (221, с. 61).

Весьма убедительную гипотезу о происхождении Новгорода выдвинули в последние годы В. Л. Янин, М. Х. Алешковский и И. И. Кушнир. По их мнению, на месте исторического Новгорода некогда располагались три поселения (на трех холмах): два на левом берегу Волхова (в них жили кривичи и меря) и одно на правом берегу (здесь жили словене). Об этом, в частности, свидетельствуют исторические названия древнейших концов (районов) Новгорода: Славенский и Неревский (Меревский). Впоследствии эти поселения были объединены, возникла крепость Новый город на правом берегу Волхова.

Временем возникновения Новгорода условно считается 859 год: под этим годом Новгород впервые упоминается в Никоновской летописи (ПСРЛ, т. IX, с. 8), как город, построенный старейшиной племени словен Гостомыслом.

Акад. В. Л. Янин доказывает, что словенский конец (Славно) на Торговой стороне Новгорода имел свои крепостные сооружения еще до того, как был построен Новгородский кремль (Детинец) на противоположной стороне Волхова. «Славно» иначе именуется в летописи «Холмом», а это название созвучно древнескандинавскому наименованию Новгорода — «Холмгард»⁵. Напомнив об этом, В. Л. Янин пишет: «Не заключено ли в этом слове само древнейшее название поселка на Славне — Холмгород? И не был ли этот Холмгород (т. е. крепость Холм) тем «старым» городом, которому как новообразование противопоставит Новый город?» (175, с. 83).

Другие исследователи, в частности М. К. Каргер, считают, что «старым» городом, который предшествовал Новгороду, было рюриково Городище, находящееся в двух-трех километрах к югу от Новгорода, у истоков Волхова из озера Ильмень (101, с. 13). В. Л. Янин не видит достаточных археологических оснований для подобного утверждения (175, с. 86). Говоря о раскопках Е. Н. Носова, обнаружившего, что нижний слой Городища, датированный концом IX—X вв., отделен от более позднего — XII—XIII вв. — прослойкой песка (свидетельство того, что Городище было оставлено жителями в X в. из-за регрессии оз. Ильмень), В. Л. Янин отмечает, что «возобновление жизни здесь [в Городище] связано уже с основанием резиденции новгородских князей» (175, с. 86). Но куда ушли жители Городища в X веке? С наибольшей вероятностью можно предположить, что они поселились где-нибудь неподалеку, на этом же, правом берегу Волхова, на месте будущего Славенского конца.

В таком случае отпадает противопоставление Городища и Славно, кажущееся нам несущественным (это два участка одного локального района); тесная географическая близость между ними естественно объясняет и возможную преемственную связь.

* * *

Автор исторической хронки «Синописис», весьма популярной в России, разделяет историю Киевской Руси на два периода: наиболее древний, когда Киевом управляли местные князья, и более поздний, когда их заменили варяжские правители — князь Рюрик и его преемники. Появление последних автор «Синописиса»* связывает с возвышением Новгорода, жители которого призвали варяжских князей Рюрика, Синеуса и Трувора⁶, чтобы прекратить междоусобные распри.

Начальная русская летопись, не дошедшая до нас (по мнению академика А. А. Шахматова, она частично сохранилась в составе Новгородской 1-й летописи), называет Русь варяжским племенем, а варягов то признает общим названием германских народов, обитавших в Северной Европе по Балтийскому (Варяжскому) морю [шведы, норманны, англ, готы], то видит в них особое племя, принадлежащее к числу этих народов. Приводим соответствующий отрывок из «Повести временных лет» (по тексту Лаврентьевой летописи, издание Археологической комиссии, СПб., 1897):

«В лето 6370 (862). Изгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в себе володеги, и не бс в них правды, и вьста род на род, и быша в них усобище, и воевати почаша сами на ся. И реща сами в себе: «пощем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву». И идоша за море к варягом, к руси; сице бо тии звахуся варязи русь, яко се друзии зовутся свие [шведы]**, друзии же урмане [норманны], англыяне [норманны, покорившие в XI веке Англию], друзии гьте [готы], тако и си. Реща руси чюдь, и словени, и кривичи и вси [племя весь]: «земля наша велика и обилна, а наряда [порядка] в ней нет; да и поидете княжити и волдеити нами». И избрашася братья с роды своими, и поаша по себе всю русь, и приидоша; старейший, Рюрик, седе Новегороде, а другий, Синеус, на Беле-озере, а третий Изборьсте, Трувор. И от тех варяг прозвася Руская зсмля, новгородьци, ти суть людье новгородьци от рода вьряжьска, преже бо беша словени».

Добавим, что под формой wāring на древнешведском наречии разумелись *дружинники* (от wāga — обет, присяга) шведских конунгов (князей), а в архангельских русских говорах слово варяжя́ обозначает заморца, заморье, заморскую страну (словарь Вл. Даля).

В Воскресенской летописи первоначальная история Новгорода также связана с легендой о призвании варягов, причем происхождение Рюрика возведено здесь к первому римскому императору Августу (63 до Р. Хр.—14 по Р. Хр.). Гостомысл перед смертью⁷ обращается к новгородцам со следующими словами: «Совет даю вам, да послете в Прускую землю мудрые мужи и призовете князя от тамо сущих родов» (221, с. 72). Восставшие против варягов новгородцы (словене, кривичи, чудь и меря) после изгнания варягов отправили послов «к немцам» в Прускую землю и «обретоша князя Рюрика» (там же).

В противоречии с немецким происхождением Рюрика летописец тут же приводит слова более ранней летописи — «Повести временных лет» о посылке за Рюриком за море «к Варягом к Руси» (к варяжскому племени Руси); другое противоречие Воскресенской летописи заключается в признании ее составителям, что до прихода варягов словене, явившиеся с берегов Дуная, «прозвашася именем, и нарекошася Русь, реки ради Руссы, еже владыша в езеро Ильмень» (221, с. 61).

Эти противоречия⁸ сказались на поэме М. Ю. Лермонтова «Последний сын вольности», в основу сюжета которой легло летописное предание о призвании варяжских князей по совету Гостомысла, причудливо соединенное с другим преданием — о восставших в Новгороде ревнителей республиканской вольности, во главе с Вадимом Храбрым (863 г.):

«Кня, с оружием своим,
На князя кинулся Вадим;
Так, над пучиной бурных вод,
На легкий челн бежит волна —
И сразу лодку разобьет,
Или сама раздроблена»...

* Иннокентий Гизель, профессор Киево-Могиланской духовной академии, автор ряда историко-философских сочинений. См.: П. С. Захара. Борьба идей в философской мысли на Украине на рубеже XVII—XVIII вв. Киев, 1982, с. 49.

** Интересно, что нынешние финны и эстонцы обозначают шведов именем Ruotsi, Roots.

Вадим гибнет в неравном поединке с Рюриком, но оставляет новгородцам завсты «милой вольности».

Видный русский историк Д. Н. Иловайский в своей работе «Разыскания о начале Руси» (М., 1876) и в ряде статей на эту тему развил теорию, по которой Русью (или Росью) некогда назывались восточнославянские племена (поляне, северяне, дреговичи и др.), жившие в IX веке в бассейне верхнего и среднего Днепра, предки которых, известные в древности под именем антов или роксолан, издавна обитали в Приазовье и Приднепровье. Поляне объединили различные племена антов или роксолан в один племенной союз, на основе которого возникла Киевская Русь как государственное образование. Поляне под предводительством своих князей начали (приблизительно с IX в.) расселяться от Киева вверх и вниз по Днепру; поднимаясь вверх, они достигли Новгорода, опускаясь вниз, покорили угличей, тиверцев и черных болгар, основали Тмутараканское княжество в Приазовье. Что касается варягов — они не имеют коренной этнографической связи с Русью: это наемные дружины из скандинавов на службе у русских князей в Киевской Руси. Сказание о призвании варяжских князей из-за моря сложилось, по мнению Д. И. Иловайского, в Новгороде в конце XII — начале XIII века под влиянием тогдашнего обычая новгородцев призывать к себе князей из Киевской Руси, а также под влиянием интенсивных торговых отношений с заморскими городами Ганзейского союза (см.: «Русский вестник», 1871, №№ 11—12).

Профессор В. О. Ключевский справедливо полагал, что принятие этой концепции устраняет многие противоречия и неясности норманнской теории, однако возникают другие, а некоторые вопросы остаются. Один из них: имена первых киевских князей — неславянские. Кроме того, объединительное движение полян с юга из Киева вверх по Днепру не подтверждается ни одним, даже легендарным свидетельством источников: это чистая догадка... «Напротив, обратное движение, с севера из Новгорода⁹ вниз по Днепру описано в летописных известиях об Олеге, которые до занятия последним Киева отличаются такою же красотою и так же чужды сказочных примесей, как одно из них — о дани на содержание варяжского гарнизона в Новгороде, — которые сам г. Иловайский считает одним из наиболее достоверных в Начальной летописи» (113, с. 117).

С. Геденов в своей двухтомной монографии «Варяги и Русь» (СПб., 1876) развивает теорию о западнославянском происхождении варягов. Он подчеркивает, что *новгородские словене* издревле были в торговых сношениях с *прибалтийскими вендами* (племенем полабских славян), о чем свидетельствуют клады куфических монет от Любека до Куршгафа (IX в.). «Другим поводом к сношениям Новгорода с Поморием было, вероятно, религиозное первенство балтийских вендов [тогда еще язычников. — В. Н.] над прочими славянскими племенами»... (55, с. 133). Первые новгородские и киевские князья Олег, Игорь, Святослав поклонялись языческим славянским божествам — Перуну и Велесу [идентичным западнославянским божествам в Поморни — Святовиту и Триглаву]. Очевидны и другие общеславянские особенности варяжских (вендских) князей и дружинников. «Как из занесенных к нам с балтийского поморья вендских слов, учреждений, форм язычества и т. д. мы находим доказательства западнославянскому происхождению варяжских князей, так из дошедших до нас общеславянских особенностей их быта мы заключаем о невозможности их неславянского происхождения» (55, с. 359). С. Геденов считает, что варяжское (вендское) поселение вероятно было в Новгородской области еще задолго до Рюрика. Не случайно северное предание сохранило память о поселенце Валите-Варенте (Лутиче-варяге), жившем на новгородской земле еще в незапамятное, доисторическое время. Другое предание говорит о незапамятном поселении вендов (варягов) на берегах реки Wyndo в Курляндии (55, с. 346).

Быт древнего Новгорода, весь уклад его домашней жизни, по мнению С. Геденова, проникнут западнославянским началом. Западнославянские названия носят и улицы Новгорода: Волотова, Боркова, Иворова, Бискупя, Фревкова, Вяздженска. Янева и другие. «*Концы* в Новгороде вероятно то же, что Штетинские *кончины*... Эти *кончины* (особый род храмов) имели каждая свое *вече*, *conciabula* et *conventus*, как, без сомнения, и *концы* в Новгороде. В первой новгородской летописи находим намеки и на позднейшее знакомство Новгорода с Штетиню [ныне г. Щецин]: «Том же лете (1165 г.) поставиша церковь Святыя Троица Шетининици (вариант: Шетиничи) [то есть, шетинцы, жители города Штетина]¹⁰, а другую на Городищи Святого Николы князь Святослав» (55, с. 347). В этой связи С. Геденов обращает внимание на предание о прародителях славянских народов — Русе, Чехе и Лехе:

«Есть и у нас свои предания, предания истинно народные, выдающиеся из самого хода и смысла нашей истории... К первой категории принадлежат предания древней-

ние, собственно русские, не знающие ни летописи, ни варягов, ни Рюрика. Таково историческое предание о Русе, Чехе и Лехе¹¹, напрасно относимое к XIII-му столетию; о нем уже знали византийцы при Игоре; географическое, производящее Русь от реки Рось или Русы; этимологическое, выводящее имя Руси от рассеяния¹² (55, с. 138).

Еще Н. М. Карамзин обратил внимание в своей «Истории государства Российского» (т. I, примеч. 291), что варяжский князь (конунг) Олег, правивший в Новгороде, назван в некоторых летописях [Воскресенский и Алатырский списки] племянником Рюрика. Олег мог быть, считает С. Гедсонов, сыном старшего, умершего до призвания, брата Рюрика; в таком случае именно ему (по славянскому закону), а не князю Игорю, следовало право на великое княжение (55, с. 149). Не желаем ли утвердить свое наследственное право объясняется поход, предпринятый Олегом в 882 году из Новгорода на юг? Овладев Смоленском и Любичем, князь Олег отнял Киев у Аскольда и Дира, которые приняли мученическую кончину († 882). Утвердившись в Киеве, Олег стал титуловаться «великим князем». Предводители других древнерусских племен постепенно признали господство Олега, как князя, владеющего двумя главнейшими на Руси городами — Новгородом и Киевом. «Об этом династическом, можно сказать, мирном завоевании свидетельствует вся начальная история Руси.— подчеркивает С. Гедсонов;— сюда хотелось бы отнести и характеристическое выражение [византийского историка X века] Льва Дякона о покорении русским оружием соседних племен и областей без труда и кровопролития» (55, с. 150).

На тесной связи Новгорода с Киевом основана вся начальная история Руси. Из свидетельства преподобного Нестора-летописца о словенском происхождении шести древнерусских племен, отмечает С. Гедсонов, «следует заключить о племенном старшинстве Новгорода в Русской земле; от Словен, по сказанию летописца, принимает Киев сначала Аскольда, потом династию Рюрика¹³, и в обоих случаях не вследствие прямого завоевания» (55, с. 109). Еще при великом князе Киевском Всеволоде Юрьевиче, Большое Гнездо († 1212), уже после перенесения великокняжеского престола на юг, Новгород Великий, по свидетельству Лаврентьевской летописи, считался старшим городом на Руси: «А Новъгород Великий старейшинство имать княженью во всей Русьской земли» (Лавр., 177).

Были ли пришлые варяги западнославянского или германского (норманнского) происхождения,—ко времени их призвания процесс формирования древнерусского государства вокруг Новгорода и Киева зашел достаточно далеко¹⁴. Современный исследователь Г. Ю. Ивкин справедливо подчеркивает: «Не Киевская Русь обязана варягам началом своей государственности, а варяги благодаря развитию государственного устройства на Руси... нашли условия для участия в этом процессе главным образом в качестве купцов и наемных воинов. Осев среди славянского населения, варяги довольно быстро ассимилировались... династия Рюриковичей, захватившая власть в Киеве, стала ослабявшейся династией славянского государства. Сама династия удержалась на Руси потому, что быстро слилась с русской, славянской правящей верхушкой и стала бороться за ее интересы» (85, с. 113).

II. Новгород и Киев. Крещение новгородцев

Как об этом повествуют летописи, новгородский князь Олег (879—912) во главе войска из новгородских словен в 882 году покорил Киев и превратил его в стольный град — мать городов русских (221, с. 75). «Со времени княжения Олега судьбы Новгорода и Киева тесно связаны,—отмечает акад. Д. С. Лихачев.—Объединение Киева и Новгорода под общей властью не лишило Новгород его значения опоры княжеской власти, сохранившей самостоятельность действий» (139, с. 15). В конце IX — начале X века Киев и Новгород подчинили славянские племена полян, словен, кривичей, древлян, радимичей, северян, вятичей, хорват, дулебов, тиверцев, а также угро-финские племена чудь и меря.

В начале X века Киевская Русь достигла больших успехов во внешней политике. В 907 году 80-тысячное русское войско, в котором участвовали новгородцы, предприняло поход на Константинополь, следствием которого было заключение исключительно выгодного для Киевской Руси договора: Византия уплачивала огромную контрибуцию и соглашалась на право беспопытной торговли для русских купцов, местом жительства которых был определен монастырь во имя святого мученика Маманта († III в., память 2 сентября) в предместье Константинополя.

Премеником князя Олега стал Игорь (912—945), жена которого Ольга была родом из псково-новгородской земли.

К этому времени под влиянием Болгарии и Византии на Руси стало все шире распространяться христианство; Русская Церковь получила каноническое оформление: она числилась 61-й епархией в Церковном Уставе Патриарха Константинопольского Льва VI (890—912). О влиянии Церкви на государственную жизнь Киевской Руси свидетельствует договор князя Игоря с греками, заключенный в Киеве в 944 году, в утверждении которого, по сообщению летописца, принимали участие киевляне — как язычники, так и члены христианской общины. Однако язычество на Руси было еще сильно.

Присланные в 961 году в Киев (по просьбе святой равноапостольной княгини Ольги) королем Германии Оттоном I (912—973; с 962 г. — император) епископ и священники вынуждены были возвратиться. Их миссия оказалась безуспешной. Княгиня Ольга, принявшая к тому времени крещение (по преданию, в 955 году в Константинополе)¹⁵, продолжала, однако, предпринимать усилия по христианизации Руси. Она уничтожила несколько языческих требищ (жертвенников); при ней в Киеве, Пскове и, вероятно, в Новгороде были построены первые на Руси христианские храмы*.

Сын Игоря и Ольги Святослав (великий князь с 965 года), хотя и не был крещен сам, но проявлял большую веротерпимость к христианам.

Святой равноапостольный великий князь Владимир (родился около 959—960 г.), которому суждено было стать «крестителем Руси», был младшим сыном Святослава. В 970 году он получил в удел Новгородское княжество.

После смерти великого князя Киевского Святослава Игоревича († 972) на киевском престоле утвердился его старший сын Ярополк (973—980). Через несколько лет, однако, между ним и его братьями Олегом, князем древлянским, и Владимиром, князем новгородским, возникла усобица. Олег был убит, а Владимир вынужден был бежать на север в Скандинавию. На его место в Новгород Ярополк назначил своего посадника, но в 980 году Владимир вернулся с варяжской дружиной и вернул себе Новгород (221, с. 116). Затем он взял Полоцк и подчинил себе всю Северную Русь, после чего осадил Киев. Ярополк бежал в Родень, был выдан своим воеводой и убит. «И нача княжити Володимир в Киеве един» (192, с. 56).

Первые годы правления великого князя Владимира были беспокойными. Варяжская дружина потребовала наложить на киевлян контрибуцию по две гривны с человека, что могло сразу же восстановить киевлян против нового князя. Владимир проявил государственную мудрость и с большим дипломатическим тактом сумел направить дружинников варягов в Византию, предупредив, впрочем, об их опасном характере византийского императора (85, с. 122).

После ряда успешных военных походов, завершившихся объединением восточнославянских земель и усиливших Киевскую Русь, великий князь Владимир в конце X века установил мир с западноевропейскими соседями; как сообщает летописец, Владимир «бе живя с князи околными миром, с Болеславом Лядьским, и с Стефаном Угрьским, и с Андрихом Чешским. И бе мир межю ими и любы» (192, с. 86).

В 987 году князь Владимир принял святое Крещение, во время своего крымского похода в г. Корсуни (Херсонесе, ныне в черте Севастополя), тогдашнем владении византийских императоров. Византийские императоры-соправители Василий II и Константин VIII Порфирогениты, выполняя договорные обязательства, отдали ему в жены свою сестру царевну Анну. В Киев святой князь Владимир возвратился вместе со священнослужителями из Константинополя и Корсуни; среди них был и корсунянин Иоаким, которого князь Владимир впоследствии определил епископом на Новгородскую кафедру.

Жителей Киева князь Владимир призвал на берег Днепра для всенародного крещения. Киевляне явились по зову своего вождя, ибо доверяли ему: «Должно быть новая вера лучше,— говорили они,— подаром князь ее принял». «В тот день Небо и земля ликовали, видя множество спасаемых»,— записал летописец. Это великое в истории Руси событие совершилось в 988 году, по преданию, 1 августа. Киевская Русь отныне приобщилась к христианской культуре и цивилизации, вошла в семью просвещенных европейских народов. «Введение христианства на Русь сыграло большую роль в укреплении единства древнерусского государства. Церковь содействовала упрочению нового, прогрессивного по сравнению с рабовладельческим, феодального строя, брала под защиту моногамную семью, выступала против обычая кровной мести, способствовала развитию письменности, литературы, искусства и монументаль-

* По свидетельству Иоакимовской летописи (дошедшему до нас в передаче В. Н. Татищева), первой церковью в Новгороде был храм в честь Преображения Господня, воздвигнутый еще до святого князя Владимира.

ного строительства. Принятие христианства способствовало широкому проникновению на Русь достижений византийской культуры, развитию связей с Балканами и другими странами Европы» (85, с. 126).

Крещение Киева положило начало распространению христианства по всей Руси. Святой князь Владимир, вручая своим двенадцати сыновьям в управление удельные княжества, давал наказ просвещать язычников, утверждать христианское благочестие — основу порядка и единства. По пригласению князя Владимира на Русь из Византии прибыли иерархи — святой Михаил († 991), ставший первым митрополитом Киевским (145, с. 200: Воскресенская летопись называет первым митрополитом Киевским Леона), и несколько епископов. В конце X века были учреждены епископские кафедры в Новгороде, Владимире Волынском, Ростове Великом, Белгороде, Чернигове, Переяславле. Новгород стоит первым в этом ряду. Новгородцы приняли крещение сразу же после киевлян, около 989 года. Вот как сообщает об этом Никоновская летопись: «...иде Михаил, митрополит Киевский и всея Руси, в Новгород Великий... даде бо ему Фотий патриарх [вероятно, анахронизм; известен Патриарх Константинопольский Фотий, 857—867 и вторично 877—886 гг.— В. Н.] шесть епископы на помощь... и идолы сокруши, и многие люди крести, и церкви воздвигше, и пресвитеры постави по градом и по селам» (ПСРЛ, т. IX, с. 63—64).

В составленной епископом Иоакимом Корсунянином летописи, названной впоследствии Иоакимовской (текст ее не сохранился, выдержки приводятся В. Н. Татищевым), весьма живо, с реальными подробностями рассказывается о крещении Новгорода.

Для этого в Новгород святым князем Владимиром были посланы Митрополит Киевский Михаил, епископ Иоаким, несколько священнослужителей и два воеводы — Добрыня Никитич (дядя великого князя) и Путята (122, с. 3). «В Новгороде людие уздаваше, еже Добрыня идет крестити, учиниша вече, и заклышася все не пустити во град, и не дати идолы опровергнути, и егда приидохом, они разметаше мост великий, изыдоша со оружием... мы же стоим на торговой стороне, ходихом по торжищам и улицам, учухом люди елико можахом... И тако пребыхом два дни, неколко сот крестя...» (257, ч. I, с. 38).

Таким образом, население Новгорода, собравшись на общее собрание (для нас драгоценно это свидетельство о существовании вече), поклялось не допустить уничтожения идолов, то есть встало на защиту привычных верований. Был разрушен мост через Волхов, так что Добрыня и другой княжеский воевода Путята не смогли переправиться на Софийскую сторону. Несмотря на это, митрополит Михаил и епископ Иоаким, не теряя присутствия духа, безбоязненно ходили по улицам Торговой стороны, поучая новгородцев истинам Евангелия. Проповедь их была безуспешной: в течение двух дней они крестили в Волхове несколько сот человек...

Далее события разворачивались весьма драматически. Богомил Соловей, главный языческий жрец (волхв), и новгородский тысяцкий Угоняй разожгли страсти в толпе, подговаривая новгородцев к мятежу и кровопролитию. Толпа убила жену воеводы Добрыни и несколько его родственников, находившихся на Софийской стороне, а дом его разграбила. Воевода Путята переправился на другую сторону выше города и зашел со своим отрядом мятежникам в тыл. Ему удалось пленить тысяцкого Угоняя и переправить его на Торговую сторону. Узнав об этом, восставшие на Софийской стороне новгородцы окружили отряд Путяты и начался настоящий бой. Храм Преображения был разметан, а дома христиан разграблены (таким образом, в Новгороде уже существовала христианская община). На рассвете следующего дня на помощь Путяте со своими отрядами подоспел Добрыня. Тогда мятежники выслали своих вожakov просить мира... «Добрыня же, собра вои, запрети грабление, и абие идолы сокруши... (и) в реку ввергша, и бысть нечестивым печаль велика... Добрыня же, насмехаяся, им веча: «Что, безумнии, сожалеете о тех, которые себя оборонить не могут?! Кую пользу вы от них чаеть можете?!» и посла всюду объявляя, чтобы шли ко крещению... Идоша мнози, а нехотящих креститися воины влачаху, и крещаху мужи выше моста, а жены ниже моста... и повелехом всем крещеным кресты на шею, ово деревянныа, ово медяны и каперовы [оловянные; испорч. греч.] на выю возлагати, а иже того не имут не верити и крестити, а абие размстанную церковь пакы сооружихом» (257, ч. I, с. 39—40).

В. Н. Татищев и Н. И. Костомаров явно склонялись к признанию этих сообщений достоверными, хотя остальные русские летописи о каких-либо волнениях при крещении новгородцев умалчивают. Выдающийся специалист по истории Новгорода А. Никитский сведения о сопротивлении новгородцев при крещении считает малоубедительными: «Сознавая свою слабость, язычество везде без боя очищало для христианства поле действия. Не только в Киеве..., но и в более отдаленных северо-восточных краях

христианство получило господство без всяких столкновений с народной массой. Это общее замечание применяется и к Великому Новгороду...» (165, с. 2).

Современный исследователь А. С. Хорошев подчеркивает, что «христианство пустило глубокие корни в среде феодальной верхушки» задолго до крещения Киева и Новгорода (275, с. 12). Соглашаясь с М. Н. Тихомировым относительно мирного распространения христианства на Русь, которое было похоже на «триумфальное шествие» («Древняя Русь», М., 1956), Хорошев объясняет это обстоятельство двумя причинами: во-первых, тем фактом, что культ Перуна, насажденный пришлыми варягами, был чужд массе населения; во-вторых, водное крещение являлось «чисто формальным совершением внешнего акта, которым символизировалось принятие новой веры» (275, с. 13).

С первым соображением трудно не согласиться. Культ Перуна, действительно, был сравнительно молодым, недавним, преимущественно дружинно-княжеским. Этот взгляд в свое время высказал Е. В. Аничков («Язычество и древняя Русь», СПб., 1913, с. 319) и недавно превосходно обосновал Б. А. Рыбаков («Язычество древних славян», М., 1981, с. 19). Что касается «чисто формального акта», не следует забывать, что акт крещения является сакральным актом, таинством, форма и содержание которого взаимообусловлены и мистически связаны на таинственном, умопостигаемой глубине; таковым он и был, независимо от отсутствия предварительной (безусловно, желательной) катехизации, ибо (и с этим нельзя не согласиться): «Задачи подлинной христианизации (отказ от старой обрядности и введение вместо нее православных форм культа и быта) могли решаться только длительной работой миссионеров на протяжении ряда столетий» (275, с. 13).

Последующая история средневекового Новгорода неоспоримо свидетельствует об успехе именно такой подлинной христианизации. Но для этого потребовалось не одно столетие. Языческие обряды и суеверия, дикие нравы, неупорядоченность брачных отношений (полигамия) — все это было глубоко укоренено в быте новгородцев.

Следует добавить, что, столкнувшись со слепым сопротивлением язычников, духовенство в Новгороде стало действовать мерами вразумления и наказания, разящая нелепость поклонения твари, тем более бездушным истуканам, вместо Творца. Проповедь христианства, исполненная духовной силы, благотворно действовала на новгородцев.

«Постигнувши здравым умом своим всю суету идольского служения, [они] с радостью приняли христианство. И с каким усердием недавно вооружились против Евангелия, с такой же и еще болеею ревностью вооружились против своих прежних богов, особенно против Перуна, главного идола» (122, с. 4), который был опровергнут и нашел бесславный конец в Волхове.

В 992 году в Новгороде была учреждена самостоятельная епархия. Первым святителем Новгородским стал епископ Иоаким Корсунянин (†1030, память 10 февраля). «Церковь причислила его к лику святых, как Первоучителя и крестителя Северной Руси» (145, с. 203). Его пастырские труды в деле христианизации Новгородской земли принесли обильные и благие плоды. Епископ Иоаким прибыл в Новгород, имея опыт не только миссионерской, но и учебно-просветительской деятельности: в Киеве им было основано первое на Руси духовное училище. И в Новгороде святитель Иоаким (с помощью ученика своего Ефрема) также основал подобное училище, где дети обучались не только чтению и письму, но и разумению слова Божия (258, с. 17—18).

Заботясь об утверждении христианства, святитель Иоаким возвел в Новгороде в 989 году грандиозный деревянный собор о «тринадцати верхах» в честь Софии — Премудрости Божией, первый Софийский храм на Руси. Вероятно, тогда же по благословению святителя Иоакима в Новгороде была сооружена первая каменная церковь — во имя святых Иоакима и Анны, родителей Пречистой Девы Марии. О построении храмов Новгородские летописи сообщают: «Постави владыка епископ Иоаким первую церковь деревянную дубовую Святыя Софии... (и) первую церковь каменную Богоотца Иоакима и Анны» (170, с. 208).

Конец X века вообще был на Руси временем весьма интенсивного градостроительства и храмоздательства. В этот период сложились в основных чертах типичная структура древнерусского города: крепость с храмом, составляющая ядро города (кремль), и обширная неукрепленная часть за крепостными стенами (посад). «Наиболее зрелый новгородский облик имеют во второй половине X — начале XI века Киев и Новгород — столицы предшествующих Киевской державе раннегосударственных объединений: «Внутренней» и «Внешней» Руси», — подчеркивает современный исследователь (123, с. 34).

С Новгородом тесно переплетена история Пскова, древнейшего русского города

на реке Великой. В старину у новгородцев и псковичей бытовала поговорка: «Душа на Волхове, сердце на Великой». Летописи впервые упоминают о Пскове под 903 годом, говоря о браке святой равноапостольной княгини Ольги с сыном Рюрика Игорем; летописец называет Ольгу псковитянкою. Около 957—965 гг. святая Ольга, после бывшего ей чудесного явления, повелела построить псковский собор во имя Святой Троицы (М. Толстой. Святости и древности Пскова. М., 1861, сс. 1 и 15). Псков был основан как крепость, чтобы обезопасить русские земли с северо-запада, и в течение первых трех веков своего существования подчинялся непосредственно Новгороду: псковские посадники назначались из Новгорода, новгородский князь был князем и для Пскова.

В X в. на территории Новгорода кроме детинца (кремля) существовали три поселения (конца), ставшие в дальнейшем основой административной системы средневекового Новгорода: Неревский и Людин концы (на Софийской стороне) и Славенский конец (на Торговой стороне). Святитель Иоаким с самого начала обосновался в детинце, в центре Новгорода. «Таким образом, — отмечает А. С. Хорошев, — переход государства на христианскую идеологическую платформу означал переход власти в крепости из рук языческих жрецов в руки христианского проповедника, превращение языческого капища в резиденцию Новгородского святителя» (275, с. 14).

С учреждением в 992 году в Новгороде епископской кафедры Новгород стал церковно-административным центром огромной епархии, в которую входили такие города, как Псков, Изборск, Старая Русса и Ладога. Жители этих городов, по всей вероятности, приняли крещение вскоре после новгородцев¹⁶. Утверждение христианства на Новгородской земле способствовало усилению Новгорода: «церковная организация, построенная по иерархическому принципу, стала мощным орудием русской государственности» (12, с. 27).

О значительном усилении Новгорода в начале XI века свидетельствует тот факт, что в 1014 году Новгород прекратил платить дань Киеву (новгородцы отказались внести 2000 гривен в великокняжескую казну).

После смерти святого равноапостольного великого князя Владимира († 1015) великокняжеский престол в Киеве занял его сын Святополк, позднее прозванный Окаянным. В том же 1015 году он убил своих братьев святых страстотерпцев Бориса (князя Рostова Великого) и Глеба (князя Муромского), а также Святослава, князя Древлянского. Видя в Новгородском князе Ярославе также возможного претендента на Киевский престол, Святополк Окаянный стремился устранить с политической арены и его. Новгородцы решительно поддержали своего князя. В битве под Любечем весной 1016 года Ярослав разбил Святополка и занял Киев. Святополк, однако, не примирился с потерей власти. Он бежал в Польшу, откуда, заключив военный союз с польским королем Болеславом I, выступил на Киев. В войске изменника и Болеслава I были, кроме поляков, немцы, венгры и печенеги. Потерпев поражение у реки Западный Буг, князь Ярослав отступил в родной Новгород. Тем временем восстание киевлян, вызванное грабежами оккупантов, вынудило Болеслава I оставить Киев. Князь Ярослав собрал в Новгороде новое войско и в решающей битве близ Переяслава у реки Альты, в том месте, где была пролита кровь его невинного брата святого князя Бориса, нанес в 1019 году сокрушительное поражение Святополку Окаянному и его союзникам печенегам (85, с. 127). Святополк позорно бежал и достигнутый Божией карой, умер, одержимый безумием, в Богемских степях. Новгородский князь Ярослав, прозванный народом Мудрым, вступил на великокняжеский Киевский престол.

Он перенес в Киев основы новгородской государственной и гражданской организации — созданный в Новгороде начальный свод «Русской Правды», первый древнерусский законодательный сборник, драгоценный памятник отечественной письменности, в течение нескольких веков служивший руководством в судебных делах.

К этому времени, согласно летописи, относится особая грамота, дарованная Новгороду в знак благодарности за оказанную помощь Ярославом Мудрым, — так называемые *хартии новгородской вольности*: «даде им правду, и устав писавс ягаголав тако по сей грамоте ходити». И.-Ф.-Г. Эверс считает эту грамоту первым законодательным документом на Руси, получившим силу закона (292, с. 299)¹⁷.

По мнению Н. И. Костомарова, Ярославова грамота «давала или, лучше сказать, возвращала Новгороду старинную независимость, право самоуправления и самосуда, освобождала Новгород от дани, которую он платил великому князю Киевскому, и предоставляла Новгороду с его землею собственную автономию» (117, с. 37—38). Приглашаемые на новгородский стол князья должны были с тех пор обязательно целовать Новгороду крест «на всех грамотах Ярославлих...». Л. В. Черепнин считает, что Ярославова грамота возникла под влиянием волнений в Новгороде в 1016 году.

вызванных столкновением варяжской дружины с местным населением, и ставила своей задачей «тщательную и заботливую защиту местного населения от вооруженных варяжских дружинников», утверждение правовых начал русской государственности («Русские феодальные архивы XIV—XV веков». Ч. 1. М.—Л., 1948, с. 245).

В 1019 году Ярослав Мудрый женился на Ингигерд, дочери шведского короля (конунга) Олафа. Этот династический брак укрепил дружественные связи Киева и Новгорода не только со Швецией, но и с Норвегией, так как норвежский король Олаф (тезоименный шведскому) вскоре женился на Астрид, младшей сестре Ингигерд; таким образом, Ярослав Мудрый породнился сразу с двумя скандинавскими государями (см. 187, с. 28). «Сам факт заключения династических союзов, — отмечает М. Б. Свердлов, — предполагает хорошие политические отношения между странами и во всяком случае стремление к союзу княжеских домов» (237, с. 62).

Ладога и прилегающий к ней район, небольшая часть Новгородской земли, были свадебным подарком Ингигерд (во святом крещении Анна) от Ярослава Мудрого. Скандинавская сага «Хеймскрингла» (XII—XIII вв.) сообщает о том, что эти земельные угодья были переданы в управление двоюродному брату Ингигерд Ярлу Рогнвальду (237, с. 65). «Держание» Рогнвальдом и его сыном Эйлифом Ладоги подтверждается и другим памятником — «Эймундовой сагой», по свидетельству которой ярлы Ладоги, содержавшие на службе много порвежцев, должны были защищать земли Ярослава от язычников; кроме того, они выплачивали великому князю дань (см. 293).

Ярлы Ладоги оказывали помощь своим единоплеменникам-норманнам, которые, потерпев поражение в междоусобной борьбе за власть, бежали на Русь; они оказывали содействие также скандинавским купцам и наемным дружинникам. История сохранила множество имен выходцев из скандинавских стран, искавших и находивших убежище на Руси (см. 237; см. «Патерик Киево-Печерского монастыря», СПб., 1911, с. 3). Часть из них поступала на службу в великокняжескую дружину, о чем сообщает летописец: «Варяги бяху мнози у Ярослава» (ПСРЛ, т. I, стб. 140).

На основе анализа письменных источников, включающих саги и рунические надписи, современный исследователь делает следующий вывод: «Если в конце X—начале XI в. норманны отправлялись на Русь еще как викинги-грабители, то с укреплением древнерусского государства при Ярославе скандинавы появлялись на землях Русского государства с мирными намерениями; они покупали дорогие товары византийского и восточного происхождения, просили укрытия от своих врагов, становились наемниками — вождями дружин или просто дружинниками, опорой самостоятельной великокняжеской власти... Следует отметить, что во всех областях экономической, социальной и политической жизни древнерусского государства XI века, в которых приходилось участвовать скандинавам, они уже вливались в систему сложившихся отношений...» (237, с. 67).

III. Новгород на пути «из варяг в греки»

«Ах! не чайка, кружась, носится,
Не лебедь крыльями взмахивает;
Плывут молодцы-корабельщики,
Корабельщики, гости русские,
Плывут молодцы к Новгороду,
К Новгороду, ко великому!
Гой ты, батюшка, славный Новгород,
Гой ты, город наш белокаменный,
Изукрашен церквями Божьими! —
Ко святым мощам мы приложимся,
Образам святым мы помолимся...»

(В. К. Кюхельбекер. «Новгородская песня»)

Преподобный Нестор-летописец начинает «Повесть временных лет» с описания географического расположения Руси, в частности путей, связывающих ее с другими странами. Он описывает водный путь «из варяг в греки», в средоточии которого стоял Новгород¹⁸, и «от греков по Днепру», — то есть путь, соединявший Балтийское и Черное моря, скандинавские страны, Новгородскую и Киевскую Русь и Византию.

Современный исследователь в специальной работе, посвященной этому вопросу, после тщательного анализа, делает следующий вывод: «...Путь между Балтийским и Черным морями по рекам Невского, Западно-Двинского и Днепровского бассейнов и по соединяющим их волокам следует представлять себе не как единую транзитную магистраль, а как путь, распадающийся на три основные части: а) Смоленско-Нов-

городско-Балтийскую, обслуживавшую с XIII в. в значительной мере торговлю с Ганзой* и хорошо нам известную по смоленско- и новгородско-ганзейским договорам; б) часть «греческую», до половины XIII в. обслуживавшую сношения Киева с Византией, и в) часть киево-новгородскую, использовавшуюся, главным образом, для внутренней торговли и внутренних сношений» (25, с. 267).

О древности этого пути находим интересное свидетельство в памятнике X века «Об управлении государством» византийского императора Константина VIII Порфирогенита (912—959): «Люди, приходящие в Константинополь из внешней Руси, выходят из Новгорода, где сидел Святослав, сын Игоря, русского князя; выходят они и из города Смоленска, и из Любеча... Эти сведения, по мнению С. Гедеонова, сообщены византийскому императору новгородским (или обрусевшим поморским) купцом: «Новгородом начинает рассказчик [вернее, информатор Константина VIII] свое описание торгового пути, тщательно отделяя свою родную область от собственно южной Руси; напоминая, с понятным только для словенника самодовольством, что в Новгороде, как в старейшем, после Киева, во всей Русн городе, сидит на княжении Святослав, сын Игорев...» (55, с. 533—534).

Путь «из варяг в греки» на протяжении весьма важного участка по Неве, Ладожскому озеру, Волхову и озеру Ильмень принадлежал Новгороду уже в X—XI вв. В XI—XII вв. Новгород распространил свою власть на земли по реке Свири и Онежскому озеру, на Терский берег Белого моря и Заволочье, на Печору и Югру. Новгородцы успешно боролись со Швецией за берега Финского залива, с помощью карел расширили свои владения в Финляндии, в 1030 г. построили город Юрьев (ныне Тарту) к западу от Чудского озера.

В это время Новгород Великий успешно соперничал с крупнейшими торговыми центрами Европы. Через Неву и Волхов торговые караваны могли попасть с Балтики и Северного моря не только в Черное море (по Днепру), но и в Каспийское море (по Волге), используя волоки. Новгородские купцы торговали не только на скандинавских и германских ярмарках, но и в Персии, Константинополе, Крыму.

Тесные связи Новгорода с Византией нашли отражение в литературном жанре средневековых «хождений», в которых повествуется о паломничествах новгородцев в Царьград (Константинополь), на Святую Гору Афон или во Святую Землю: «Сказание о святой Софии в Царьграде» (XII в.), «Книга паломник» (1200—1204), «Повесть о взятии Царьграда» (1204), «Хождение Стефана Новгородца» (1348—1349) и т. д. Особенный интерес представляет для нас «Книга-паломник», написанная архиепископом Новгородским Антонием (1210—1220, вторично 1226—1228, † 1229) (в миру Добрыня Ядрейкович)¹⁹, совершившим паломничество в Константинополь. Археологические данные также позволяют утверждать, что уже в XII—XIII вв. Новгород поддерживал отношения с Северным Кавказом, Средней Азией, Ираном и Византией (196, с. 67). Но особенно оживленными были связи Великого Новгорода со странами Балтийского региона²⁰. В хронике Адама Бременского (XI в.) приводятся слова датчан, что при попутном ветре они за один месяц преодолевали путь до Новгорода (12, с. 69). Новгородская летопись под 1130 годом сообщает о благополучном возвращении новгородцев из Дании (23, с. 17).

С незапамятных времен занимаясь промыслами на Балтийском побережье, новгородцы на своих кораблях отправлялись за море «для торгоа» в Турку и Кольвань, на остров Готланд и в Сигтуну, в Любек и Данию. Плавание новгородцев по Балтийскому морю фактически не прекращалось даже в периоды «розмирья».

Новгород поставлял в Европу, главным образом, сырье: пушнину и меха, шкуры и кожи, китовое и моржовое сало, воск и дёготь, поташ, лён и коноплю; из Европы новгородцы ввозили преимущественно фабрикаты: сукна разных сортов, голландские и вестфальские полотна, немецкие иголки, стекло и писчую бумагу, обделанную кожу и пергамент, копченое мясо, а также пиво и сладкое (церковное) вино. Вино для церковных служб Новгород, как известно, снабжал всю Русь. Кроме того, в Новгород ввозились цветные металлы: олово из Англии, медь из Швеции, железо из Богемии, свинец из Польши и Испании (6, с. 23). Из пищевых продуктов ввозились балтийская сельдь, соль, а в неурожайные годы и хлеб (12, с. 73). В качестве торгового посредника Новгород поставлял скандинавским и западноевропейским странам дорогие восточные ткани, арабские и персидские ковры, драгоценные камни.

Немаловажное значение имела для Новгорода рыбная торговля. Купцы догово-

* Ганза, или Ганзейский союз — торговый и политический союз около 90 германских, датских и шведских городов, процветавший в XIV—XVI вв., в который входил и Новгород; в XVII в. Ганзейский союз распался; с 1669 г. только Любек, Бремен и Гамбург сохранили название ганзейских городов.

ривались о поставках рыбы с рыбацкими артелями и развозили ее по разным городам Руси. Вообще, торговля порождала много побочных промыслов, дававших заработок новгородскому населению, в частности, способствовала судостроению и породила особую профессию — лощманов.

Торговое мореходство новгородцев осуществлялось на судах двух типов: плоскодонных речных и больших кораблях с «чердаками» (помещениями для экипажа)²¹. Перегрузка товаров с плоскодонных судов на морские происходила в районе впадения реки Ижора в Неву; на острове Котлине было расположено становище, где жили новгородские лощманы. Согласно проекту договорных грамот Новгородца с Любеком, Готландом и немецкими городами 1262—1263 и 1269 гг., Новгород отвечал за сохранность иноземных судов на всем протяжении от острова Котлина и до Новгородца, однако лишь при условии, если их сопровождали новгородские лощманы (146, с. 173).

В Новгородце по берегу Волхова длинной вереницей тянулись пристани («вымо-лы»), у которых обычно стояло множество судов. Они причаливали вблизи торговых рядов, самых разнообразных (кожевнный, котельный, серебряный, иконный, хлебный, рыбный и т. д.), насчитывавших сотни лавок.

Новгородские купцы были полноправными гражданами своей республики, принимали ближайшее участие в государственных делах; они делили и трудности военных походов, и расходы на оборонное строительство или возведение храмов. По договорным грамотам купечество Новгородца было ограждено от произвола местного князя; последний мог участвовать в торговле Новгородца с заморскими купцами лишь через новгородских посредников, не имел права закрывать зарубежных торговых представителей и т. п. (112, с. 78).

Трудности, с которыми была связана в то время торговля, заставляли новгородских купцов объединяться в артели. Вступая в них, делали соответствующий денежный взнос, а также вклад в пользу того или иного патронального храма, под покровительством которого считалась артель. Купец, вступивший в артель, назывался «посильным», а его дети получали наследственное право считаться членами артели, без особого вклада. Все новгородское купечество делилось на сотни, которые выбирали своих старост (6, с. 28).

Древнейшим купеческим объединением в Новгородце было так называемое «Иванское сто», возникшее в начале XIII века при храме во имя святого Иоанна Предтечи на Опоках. Это была замкнутая купеческая гильдия (корпорация) со своим уставом — одним из древнейших уставов средневековых гильдий на севере Европы. Этот факт свидетельствует о том, что Новгород не уступал своим партнерам — западноевропейским городам в политическом и культурном развитии. Храм святого Иоанна Предтечи на Опоках был выстроен в 1127 году князем Всеволодом Мстиславичем, который передал его новгородским купцам, торговавшим воском. (См.: В. В. Гормин, Ярославово дворище и древний Торг. Л., 1976, с. 43.) Здесь запрещалось держать какие-либо предметы, имеющие непосредственное отношение к торговле, кроме свечей и воска; взвешивание воска производилось в притворе, складочным местом было подцерковье.

В храме совершались вседенные, то есть ежедневные, богослужения, что как бы приравнивало его к собору. Храмовой праздник Рождества святого Иоанна Предтечи праздновался в течение трех дней; в первый день совершалось торжественное богослужение Новгородским архиепископом, во второй — архимандритом Юрьевского монастыря, в третий — игуменом Антониева монастыря. «Надо предполагать, — пишет проф. М. Н. Тихомиров, — что торжество престольного праздника сопровождалось «братчиной», то есть большими пирами, память о которых сохранилась в народных былинах» (Вопросы истории, 1945, № 1, с. 23).

Судя по всему, «Иванское сто» преуспевало в своих торговых делах. Воск вывозился из Новгородца не только в другие русские города, — едва ли не большая его часть шла на экспорт: «Для освещения громадных готических соборов, замков и домов были необходимы свечи. Своего воска в Западной Европе не хватало» (12, с. 71). Продавался воск большими «кругами» (около 160 кг) определенного качества, что удостоверялось особой печатью, отскакивавшей на воске слова «товар Божий», то есть не фальшивый, а изготовленный «по Божьей правде».

В 1136 году новгородские купцы, торговавшие со странами Западной Европы, выстроили в Новгородце храм, посвященный св. Параскеве — покровительнице торговли. (Первоначально храм был деревянным, в 1207 году его заменили каменным.)

Оживленную торговлю вели новгородцы и на внутренних рынках: новгородских «гостей» (так называли купцов) можно было встретить в Киеве и Полоцке, во Владимире и Заволочье; в Киеве, Юрьеве (Дерпт) и Колывани (Ревель) новгородцы

имели свои храмы и постоянные дворы. Скупая товары, которыми была богата Русь, новгородские гости снабжали ее заморскими товарами. О сказочном богатстве Великого Новгорода слагались легенды.

В новгородской былине «Садко и морской царь» наиболее популярным сюжетом является состязание чудесным образом разбогатевшего гусляра Садко (который получил несметные сокровища от морского царя) с Новгородом. Превзойдя в богатстве отдельных новгородских купцов, у которых он выиграл заклады, Садко решил помериться богатством с самим Новгородом, но тут он потерпел поражение:

«Как тут Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бела света;
Еще выкуплю товары московские,
Подоспеют товары заморские.
Не я, видно, купец богат новгородский,—
Побогаче меня славный Новгород!» (231).

Главными торговыми партнерами Новгорода в XII—XIII вв. на Западе были остров Готланд, Дания и Любек. В середине XII в. в Новгороде уже существовал торговый двор готландских купцов²² с храмом во имя святого Олафа: в Новгородской 1-й летописи под 1152 годом упоминается «Варяжская божница» (174, с. 29).

Новгородские купцы на острове Готланд также имели свой двор и храм, который, судя по фрескам, был расписан (вероятно и построен) новгородскими мастерами.

Для Европы остров Готланд, расположенный в Балтийском море (ныне в составе Швеции), долгое время был центром всей северо-западной торговли. Он занимал выгодное географическое положение, находясь почти на равном расстоянии от Швеции, Германии и Новгородской Руси. Важнейшей торговой конторой Готланда была Новгородская, основанная еще в первой половине XI века; первое упоминание о новгородско-готландских отношениях датируется летописью 1130 годом (174, с. 51). Интересно отметить летописные сообщения о том, что новгородцы обращались за церковными требами к священнослужителям храма св. Олафа: «Оже носили к Варяжскому попу дети на молитву» (цит. по: 161, с. 54). Судя по берестяной грамоте с текстом молитвы на латинском языке, найденной на месте Готского двора, можно предположить, что «Варяжская божница» простояла до конца XIV — начала XV в.²³

В конце 80-х годов XII века Новгород установил торговые отношения с г. Любеком (ныне в составе ФРГ). В 1187 году император Фридрих I Барбаросса (1147—1190) пожаловал Любеку грамоту, по которой русским и другим купцам предоставлялось право беспешинной торговли в Любеке. Это обстоятельство позволяло предположить о существовании новгородской торговой колонии в Любеке уже в то время²⁴. Немецкие купцы, появившись в Новгороде, основали здесь свой торговый двор и построили храм во имя святого Петра.

Сведения о времени строения немецкого храма и, следовательно, Немецкого двора, сообщает 3-я Новгородская летопись: «в лето 6700 (1192) перенесли церковь древяну святого Иоанна Предтечи на ино место, а на том месте поставиша немецкую ропату и о том бысть чудо о посаднике Добрыне» («Новгородские 2-я и 3-я летописи», СПб., 1879, стб. 194). Между тем, по сообщению Новгородской 1-й летописи, посадник Добрыня умер в 1117 году (174, с. 20, 204). Источниковедческий анализ различных списков «Повести о посаднике Добрыне»²⁵, привлечение некоторых дополнительных исторических и археологических данных позволили Е. А. Рыбиной разобраться в этом кажущемся несоответствии. Исследователь установила, что в «Повести...» (не в летописи) рассказывается о строительстве не храма во имя св. Петра на Немецком дворе, как считалось прежде, а храма во имя св. Олафа на Готском дворе в начале XII в., при посаднике Добрыне, то есть т. н. «Варяжской божницы». Это строительство вызвало недовольство у части новгородцев и послужило поводом для возникновения легенды о посаднике Добрыне. Впоследствии же, когда Готский и Немецкий дворы объединились под общим руководством и храм св. Олафа перестал существовать (не ранее 1311 г., когда он в последний раз упоминается в летописи), народное предание стало связывать перенесение храма св. Иоанна Предтечи со строительством немецкого храма св. Петра (225, с. 127—128).

Первоначально Немецкий двор в Новгороде был как бы отделением Готского двора; оба двора находились под одним управлением и зависели от готско-немецкой компании в Висби. Внутренний распорядок этих дворов устанавливала «скра» — особый устав, зачитывавшийся всем прибывавшим в Новгород ганзейцам. «И горе было тому, кто осмеливался нарушить устав... Даже за сравнительно небольшую кражу согласно уставу преступника следовало казнить» (12, с. 75).

В XIII веке балтийские торговые города объединились в т. н. Ганзейский союз, во главе которого в скором времени стал г. Любек.

Ганзейскую контору в Новгороде возглавлял т. н. ольдерман, избираемый сначала собранием купцов (стеваем) из очередного каравана; позднее он назначался поочередно Любеком и Висби (12, с. 75—76). Ежегодный остаток от дворовых расходов по общему определению ганзейских городов отсылался на Готланд, где хранился в храме во имя Пресвятой Девы Марии. Соперничество Висби и Любека шло с переменным успехом, но в конце концов немцы освободились от опеки готландцев и даже потеснили их в торговле с Новгородом. В XIV веке Готский двор в Новгороде, хотя и сохранил свое название, но уже находился в подчинении у Немецкого двора (в XV в. Готский двор уже назывался Немецким речным). Оба двора были огорожены высокими оградами, внутри которых находились жилые строения и подсобные помещения (амбары, пивоварня, мельница), а также располагались храмы.

В отношениях с западноевропейскими странами Новгород выступал как равноправное суверенное государство, о чем, например, свидетельствует древнейший из дошедших до нас договоров Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире, посольских и торговых связях (1189—1199 гг.). Договор этот был заключен в Новгороде, а затем ратифицирован на острове Готланд, при участии новгородского посла Григи (см. 196, с. 14)²⁶.

Договорные грамоты Новгорода с Готландом (Готским берегом), Любеком и немецкими городами (1262—1263 гг.), с Любеком (1301 г.), с немецким купечеством (1372 г.), с Ганзой (1392 г.) и другие²⁷ свидетельствуют о взаимной заинтересованности договаривающихся сторон в добрососедских отношениях и расширении торговых связей (см. 146, с. 170—171).

Одной из причин успешного развития торговли Новгорода с городами Ганзейского союза Н. М. Карамзин считал благоразумие новгородцев, удовлетворенных взаимием с ганзейских купцов весьма умеренных пошлин. А. И. Никитский считал несколько иначе²⁸.

Здесь следует сказать о том, что успешное развитие средневековой торговли в Новгороде²⁹ находилось в тесной зависимости от покровительства и помощи Церкви, представители которой активно стимулировали экономическое развитие Новгородской республики³⁰. По уставу новгородского князя святого благоверного Всеволода Мстиславича (1117—1136, † 11 февраля 1138) торговый суд и контроль над мерами (соблюдение эталонов) были в ведении Новгородского архиепископа (275, с. 137). Участие Церкви в контроле за правильностью торговых операций являлось лучшим залогом их успешного осуществления. Особенно значительна была роль новгородского Владыки в международной торговле. Начиная с XIV века без его санкции торговые договоры Новгорода считались недействительными. Архиепископ Новгорода пользовался высоким международным авторитетом, именно ему ежегодно передавались на хранение ключи от католического храма св. Петра в Новгороде перед отъездом иноземных купцов, которые считали его своим защитником и покровителем. И действительно, «опираясь на святость своего сана и на роль, свойственную ему на новгородском вече, Владыка старался не допускать крайних проявлений вражды к иноземцам... Как скоро именно дело заходило о каком-либо несправедливом акте против немцев, Владыка отказывался дать свое благословение вечевому решению и стоял за отказ твердо, несмотря на все неприятности и огорчения...» (166, с. 3—4).

Так, например, в октябре 1425 года, благодаря вмешательству архиепископа Новгородского Евфимия I, немецкие купцы, арестованные в начале 1425 г. (в отместку за погибших в мае 1424 г. от морских разбойников новгородских купцов), были освобождены.

«Не сделай этого Владыка,— сообщает немецкая грамота, характеризуя новгородцев как людей гордых и несговорчивых,—Новгород скорее сам перевернулся бы вверх дном, чем дозволил бы нам свободный отъезд» (цит. по: 166, с. 10). В другой немецкой грамоте архиепископ Евфимий I назван «человеком добрым и справедливым, умеющим отличать правду от кривды» (цит. по: 166, с. 14).

Благодаря посредничеству новгородского архиепископа, отправившего от своего имени посла, чтобы восстановить отношения с Ганзейским союзом, а также примирительной позиции послов Дерпта и Ревеля (Гильбранда фон Мегена и Андрея Смединга), конфликт удалось уладить³¹.

В новом договоре, заключенном с Новгородом, «послы не только согласились на восстановление торговли, но и гарантировали Новгороду свободу торгового движения во все 73 Ганзейские города...» (166, с. 12)³².

Таким образом, несмотря на те или иные обстоятельства, омрачавшие дружественные отношения Новгорода с прибалтийскими городами, для них (и это на протя-

жени нескольких столетий) характерна устойчивость и взаимная толерантность, верность взятым на себя долгосрочным обязательствам, обеспечивавшим взаимовыгодные условия торговли, поддержание и развитие тесных культурных и политических связей. Средневековый Новгород стал поистине местом встречи Востока и Запада, явил добрый пример плодотворного сотрудничества и доброй воли, устремленной к миру, освященной духовной общностью единой христианской традиции.

Вот типичная картинка из жизни средневекового Новгорода периода его расцвета, воссозданная русским писателем А. А. Бестужевым-Марлинским: «Наступил день праздника. Веселый звон колоколов огласил воздух, и Новгород запестрел народом; собираются стар и мал: граждане в церковь Софийскую, немцы к св. Петру. Громогласно читают договорную мирную грамоту с рижанами и Готским берегом; молебствие отходит, и все спешат от обедни к обеду за городищем. Сановники за столами бранными ждут гостей, гости ожидают друг друга. И вот уже посадник приветствует купцов ревельских, любских, армянских, союзников литовцев, земляков россиян. Владыка благословляет ясты, гремит труба и все садятся... Всё смешано, всё дышит братством и дружеством; благодатное небо раскинуто одинаково над всеми» (26, глава «В день праздника»).

IV. Удельно-вечевой уклад и Церковь

Выдающийся русский историк Н. И. Костомаров полагал, что в русской истории нашли воплощение два несходных между собой по духу начала — удельно-вечевое и единоедержавное. В то время как идеал единоедержавия — максимальная централизация и абсолютная автократия, идеал удельно-вечевой жизни — самостоятельность земель русского мира, так чтобы каждая составляла свое целое в проявлении своей местной жизни, и все вместе были бы соединены одною и общею для всех связью» (118, с. 200). Удельно-вечевой уклад не получил своего полного развития, но в жизни Новгорода обрел наиболее ясное и полное выражение: «Вече было признаком существования земель, сознающей свою автономию; будучи явлением общерусским, повсеместным, нигде, однако, порядок этот не является нам в такой полноте, как в Новгороде» (118, с. 205).

В Древней Руси Новгород не составлял какого-то исключения, как об этом довольно часто писали и пишут. Народное собрание, или вече, как форма общинного самоуправления, было характерно для всего русского (если не всего славянского) мира. Летописец XII века, говоря о вечевых собраниях, не отличает новгородцев от других: «Новгородци бо изначала и Смоляне и Княне и Полочане и вси власти аки на думу на вече сходятся». Даже в Суздальской земле, подчеркивает Н. И. Костомаров, где пустило первые ростки единоедержавие, вече составляло верховную власть и избирало князей. «Слово *вече* было до того всеобщим в Руси, что даже в XVI веке оно употреблялось на Волыни в смысле народной сельской сходки...» (118, с. 205).

Своеобразие социально-общественного уклада Новгорода, его политического строя и государственных институтов привлекало внимание многих ученых историков как XIX века (митрополит Евгений Болховитинов, С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, И. Д. Беляев, А. И. Никитский, В. О. Ключевский и др.), так и более поздних, в том числе современных исследователей (Н. А. Рожков, Б. Д. Греков, И. М. Троицкий, М. Н. Тихомиров, В. Л. Янин, А. С. Хорошев, В. Ф. Андреев и др.). При этом высказывались весьма различные, порой противоположные взгляды, развивались различные концепции, что объясняется не только обращением к разного рода источникам, введением в научный оборот новых археологических данных и ранее неизвестных письменных памятников, а также их субъективной интерпретацией, но и существенными различиями в дореволюционной и современной исторической методологии.

При всех различиях, однако, например, во взглядах на главный институт Новгорода — вече, которых мы коснемся далее, ученые исследователи единодушно признают Новгород вольнолюбивой республикой с удельно-вечевым укладом, высшая законодательная власть в которой принадлежала соборной горожан — вече, собиравшемуся по звону колокола. Никто не оспаривает и тот факт, что Новгород представлял собой единую самоуправляющуюся городскую общину, включавшую в себя пять более или менее автономных единиц — концов (городских районов).

* * *

Население средневекового Новгорода состояло из *бояр, житых людей, купцов и черных людей*. Бояре составляли правящую знать, высшее сословие, выделившееся из старейшин и дружинников на службе у князя. *Житы* (или житые) люди были за-

житочные владельцы, люди среднего достатка, а иногда и весьма крупные землевладельцы; многие из них имели различные промысловые угодья и поставляли на новгородский рынок меха, воск, кожи, смолу, лес и прочие товары, предметы вывоза. В Новгороде житые люди, как и бояре, имели свои собственные дома. О купцах уже достаточно сказано в предшествующей главе. *Черными людьми* назывались ремесленники всякого рода: гончары, плотники, иконники, лодочники, лоцманы и т. п. (см. 6, с. 29).

Все свободное крестьянское население в Новгородской земле носило общее название *смердов*. Низшим сословием считались холопы, они назывались общим именем *одерноватых людей* и по существу являлись бесправными крепостными (6, с. 31).

Н. А. Рожков высказал мнение, что богатые и бедные жили в Новгороде на разных берегах Волхова: богатые — на Софийской стороне, а бедные — на Торговой («Русская история в сравнительно-историческом освещении», т. 2, Пг., 1924, с. 347). Современные исследователи А. В. Арциховский, В. Л. Янин и другие на основе тщательного изучения источников, опираясь на результаты археологических находок, пришли к выводу, что «топографическое деление Новгорода по классовому признаку не выдерживает никакой критики» (175, с. 123): боярские усадьбы и усадьбы простолюдинов были обнаружены в одних и тех же концах (районах) Новгорода, в соответствии с летописными сообщениями, берестяными грамотами и другими письменными свидетельствами.

Деление на концы имело для Новгорода большое административно-общественное значение. По существу это были самоуправляющиеся общины; граждане каждого конца составляли отдельную административную единицу с правами относительной автономии: «кончане» имели свое особое управление, делопроизводство и свои собрания. Судьями и управителями концов были выборные кончанские старосты: они принимали те или иные решения, распоряжались делами конца, являлись главными его представителями на общегородском вече и в общих делах всего Новгорода.

Кончанские старосты представляли не отдельные привилегированные сословия, — они выбирались и от бояр, и от житых людей, и от купцов, и от черных людей. Во время военных действий каждый конец составлял особый полк во главе с воеводой и выносил свой воинский стяг (знамя) (6, с. 6).

Не только конец, но и улица, будучи частью конца, имела значение отдельной (более мелкой) самоуправляющейся общины. Жители улицы, именовавшиеся улицанами, выбирали своих уличских (уличных) старост, которые управляли местными делами.

Весь город, состоявший из пяти концов³³, был окружен земляным валом и рвом; но вал не являлся действительным пределом города: за ним на все четыре стороны были расположены монастыри и примыкавшие к ним посады, придававшие Новгороду вид огромного и весьма своеобразного города, красота которого не могла не удивлять...

Во время переговоров с чужеземцами каждый конец посылал от себя особых депутатов; международные договоры Новгорода Великого и разные постановления общегородского веча утверждались печатями пятиконечских старост. Новгородские концы, однако, не были чисто административными клетками, разбитыми по формальному признаку механической упорядоченности; напротив, как справедливо отмечает Н. Д. Беляев, они представляли собой органическое целое, все части которого соединены друг с другом бытовыми и даже нравственными узами, так что за обиду «однокончанина» вступался весь конец (20, с. 5).

Новгород являлся административно-политическим средоточием огромной территории ему подвластной. Она состояла из *пятин* (земель или рядов) и *волостей*.

К пятинам относились Вотская (Водская), Обонежская, Деревская, Шелонская, Бежецкая.

«Особенностью пятинного деления Новгородской области было то, что все пятинны, кроме Бежецкой, начинались у самого Новгорода или, как Деревская, недалеко от него и в виде расширяющихся радиальных полос бежали во все стороны» (112, с. 67).

Более отдаленные и позднее приобретенные земельные владения считались волостями (слово «волость» вообще означало подвластную кому бы то ни было землю; отсюда — володеть): Волок-Ламский, Торжок, Ржев, Великие Луки, Заволочье или Двинская земля, Пермская земля, Печора (по обмен сторонам одноименной реки), Югра (по ту сторону северного Уральского хребта), Терский берег (на северном берегу Белого моря). Центрами этих волостей были соответствующие города или крупные поселения, которые считались *пригородами* Новгорода. (До 1347 года *пригородом* Новгорода считался и Псков.) По отношению к этим пригородам окрестное

население отбывало разного рода повинности. Каждая волость, в свою очередь, делилась на погосты, которые объединяли вокруг себя сёла, деревни, починки и другие, еще более мелкие сельские пункты. Сельские жители также пользовались местным самоуправлением и решали свои вопросы на вече, то есть сельских сходках.

«Из поселений, причисляемых к одному и тому же погосту, собирались они,— преимущественно по воскресным дням,— к церкви своего погоста. Собрание проходило или на открытом воздухе, или в парочно устроенной для этого избе у церкви. Здесь выбирали они себе старост, распорядились сбором, раскладкой повинностей, обсуждали свои нужды и творили свой суд. Вся Новгородская земля отбывала для Новгорода известные повинности, платила дани: сёла и деревни тянули к погостам, погосты — к волостям, волости — к пригородам, а наконец все пригороды и волости к Великому Новгороду» (6, с. 21).

При решении особенно важных для всей Новгородской Руси вопросов новгородцы приглашали на свое вече и пригороды. Так, например, в 1136 году были приглашены псковичи и ладожане, а в 1148 году — псковичи. Иногда пригороды не соглашались с постановлением новгородского веча и действовали вопреки ему. В 1137 году псковичи посадили у себя несправедливо изгнанного новгородцами князя Всеволода Мстиславича. В ответ на это «новгородцы пошли против псковитян войною, но упорная решимость последних защищать своего князя заставила новгородцев вернуться с дороги, дабы не проливать крови братьев своих» (6, с. 20).

В других случаях Новгород Великий проявлял еще большую терпимость, показывая себя верным поборником федеративного строя Русской земли, допуская и поддерживая местную автономию в подчиненных ему пригородах.

Так, например, было в 1229 году, когда Новгород отправил посадником в Новый Торг (Торжок) Иванка Дмитриевича, которого жители Торжка не приняли.

Новгородцы спокойно допустили отмену их собственного выбора решенным пригорода.

* * *

Ввиду краткости летописных свидетельств общественно-политическая жизнь Новгорода до XI века представляется довольно неясной; с XII века летописные сообщения делаются несколько пространнее; начиная с XIII века, они носят характер непрерывного повествования; соответствующим образом проясняется и история Новгорода.

Основываясь на летописях, можно достоверно считать, что с возникновением боярского посадничества в конце XI века хозяйственная жизнь вотчинников-ремесленников и челяди, зависимой от бояр, регулируется в Новгороде *вечевыми* порядками и не подлжает юрисдикции князя³⁴.

В конце XI века новгородцы уже добились права выбирать себе князя, что выразилось в изгнании князя Давыда Святославича в 1096 году и сохранении на новгородском княжеском престоле в 1102 году удобного новгородцам святого благоверного князя Мстислава Владимировича (вместо великокняжеского ставленника Изяслава Святополковича). Это право подтверждается договором, заключенным в 1117 году между Новгородом и святым благоверным князем Всеволодом Мстиславичем, правившим в Новгороде с 1117 по 1136 гг. (текст договора не сохранился). Реконструируя основные положения договора 1117 г., В. Л. Янин выявил два важнейших пункта, которые повлияли на дальнейшую историческую судьбу Новгорода: во-первых, ограничение права новгородского князя искать другие столы; во-вторых, возникновение посадничества как представительного органа новгородского боярства, существенно ограничивающего права князя (275, с. 22; см. 296, с. 62—63).

В 1136 году, который многие исследователи, в особенности акад. Б. Д. Греков, считают переломным в истории Новгорода, князь Всеволод Мстиславич, после неудачного зимнего похода на Суздаль, решением веча был изгнан. А. С. Хорошев считает, что статус независимости Новгорода был выработан именно в 1136 году, после антикняжеского выступления новгородцев. Акад. Д. С. Лихачев с событиями 1136 года связывает церковную реформу епископа Новгородского святителя Нифонта († 21 апреля 1156, память 8 апреля), в результате которой новгородцы стали избирать епископа на общегородском вече, в то время как ранее епископ был назначаем из Киева (первым избранным на вече новгородским владыкой стал епископ Аркадий, 1157—1162). Этот новый порядок, по мнению акад. Б. Д. Грекова и акад. Д. С. Лихачева, объясняется установлением республиканского строя в Новгороде после событий 1136 года. Б. Д. Греков считает, что Новгород пережил тогда «настоящую революцию». Сопоставление княжеских грамот до и после 1136 года позволило ученому сделать вывод, что после 1136 года князь в Новгороде был низведен до положения

чиновника, не имевшего права принимать серьезные решения и распоряжаться землей без санкции вече («Ученые записки Ин-та истории РАНИОН», 1929, т. 4, с. 13—21).

Впоследствии, на протяжении всего XII века, смуты и частые перемены князей продолжали волновать Новгород. Знал ли народ, чего он хочет? — спрашивает Б. И. Александровский и отвечает на этот вопрос утвердительно, подчеркивая, что новгородцы сознательно боролись за свое право не только выбирать князя, но и устанавливать с ним «ряд», то есть известного рода условия, ограничивающие княжескую власть. Когда возник «ряд» с князем, нельзя сказать точно, но в 1218 году, отмечает М. В. Муравьев, князь Новгородский уже «целовал крест», ограничивая присягой свои державные права (159, с. 68—69). Главной обязанностью князя была обязанность верховного судьи, но судить он должен был по законам новгородским. Чтобы избежать неправильного и несправедливого суда, новгородцы добились права не позволять князю судить их без выбранного из их же среды высшего должностного лица — *посадника*: «А без посадника ти, княже, не судити»*.

Вторым правом князя было право назначать правителей по волостям. Второе же новгородской вольностью было требование назначать этих правителей не из числа княжеских дружинников и приближенных, которые, будучи пришлыми, чужими, могли больше всего заботиться о своей и княжеской наживе, а назначать их из коренных новгородцев, хорошо знающих местные условия (6, с. 49—50).

Таким образом, по меткому выражению В. О. Ключевского, новгородский князь был «наемный сторож» города и его торговли (159, с. 70).

Эти новгородские вольности, по всей вероятности, стали достоянием вече и правом новгородцев задолго до 1136 года, еще при Ярославе Мудром.

С. М. Соловьев считал, что начало новгородского «народовластия», выражающегося в вечевом правлении, совпадает с началом самого города и относится к отдаленным временам IX века. Он различал три вида веча: 1) собираемое князем, законное; 2) собираемое против князя, противозаконное, означавшее народное восстание; 3) вече судное.

Вслед за Н. М. Карамзиным, С. М. Соловьев дал отрицательную оценку вечевому народовластию, которое, по его мнению, вызывало одни раздоры, почему и пришлось новгородцам искать умиротворяющее начало за морем и обращаться к варягам. Призвание варягов, считает С. М. Соловьев, повторялось в Новгороде почти всю его историю, только такими «варягами» выступали каждый раз очередные русские князья (249, с. 11).

Видный историк Н. А. Рожков пришел к выводу, что вече являлось главной политической силой в Новгороде, начиная с XIII века; в предшествующий период можно говорить лишь о «двоевластии» веча с князем. Состояло вече, по мнению Н. А. Рожкова, из «собрания всех свободных граждан, без различия сословий», «глав семей» («Русская история в сравнительно-историческом освещении», т. 2, Пг., 1924, с. 311—315). Кроме веча, в управлении Новгородской республикой участвовал Совет господ (правительственный совет), в состав которого, начиная с XIII в., входили посадник, тысяцкий, сотские, кончанские старосты. Председателем правительственного совета первоначально, до 1136 года, был князь, впоследствии — новгородский архиепископ. Это обстоятельство — одно из «явлений особого типа», которые были в Новгороде и Пскове «признаками перехода к феодализму не обычного вида, а к муниципальному феодализму» (цит. по: 175, с. 120).

Выдающийся исследователь Новгорода акад. В. Л. Янин, начальник Новгородской археологической экспедиции, весьма аргументированно доказывает, что резкое деление истории Новгорода рубежом 1136 г. на «княжеский» (до 1136 г.) и «республиканский» (последующий) периоды неправомерно. Согласно этой традиционно принятой периодизации, в X—XI вв. Новгород был княжеским городом с таким же примерно укладом жизни, как и в других центрах удельных владений. Между тем, археологические изыскания показывают, что уже в эпоху Ярослава Мудрого резиденция новгородского князя находилась *вне* городской цитадели — на неукрепленном Ярославом дворе, а двор новгородского архиепископа — в кремле (детинце). «Зная, что первые храмы, учрежденные в момент христианизации, тяготели к бывшим капищам, очищая и освящая светом христианства эти центры древнего «поганства», мы можем уверенно предполагать, что и первоначальный детинец [кремль] предназначался не для защиты княжеской власти, а гарантировал безопасность иных общественных сил — вечевых органов... характеризуя тем самым княжескую администрацию как

* С 1354 г. вместо одного стали избираться шесть посадников, а с 1417 г. — восемнадцать.

вторичный, инородный по отношению к вечевым органам государственный институт» (175, с. 88).

Так или иначе, можно, не сомневаясь, считать, что именно к середине XII века относится установление в Великом Новгороде республиканского строя, который приобрел вскоре ярко выраженные черты феодальной теократии. «Начальником новгородских бояр» стал Новгородский епископ, к которому перешли права и земельные владения князя, а также представительство Новгорода во внешних сношениях (князь оставался военачальником города) (164, с. 263).

Деятельность епископа Новгородского Нифонта, по справедливому мнению А. С. Хорошева, является ключом к решению этого вопроса. Епископ Нифонт, грек по национальности, был поставлен на Новгородскую кафедру из иноков Киево-Печерской Лавры в 1130 году. Не являясь новгородцем по происхождению, он стал им по своим патриотическим убеждениям, восприняв лучшие традиции новгородской вольнолюбивой старшины и реалистично оценив современную ему действительность: «Он не только поддержал республиканские устремления новгородского боярства, но и исползовал их для проведения демократической реформы своей сархнальной организации... Энергичное участие владыки во внутренних мероприятиях и внешней политике Новгородской республики, автокефальные устремления, демократизация Новгородской церковной организации и связанное с ней возрастание культурной жизни в городе — все это во многом определяет интерес историков к личности новгородского владыки» (275, с. 27).

Широкое распространение грамотности и особая общественная активность всех слоев населения Новгорода во многом объясняются наличием безусловно демократических черт в феодально-теократическом строе и вечевом укладе Новгородской республики. Важной особенностью государственного строя Новгорода стала гласность его политической жизни. Даже исследователи, утверждающие, что вече состояло из представителей привилегированного сословия, вынуждены признать: «но его работа велась не за плотно закрытыми дверьми, а под открытым небом, в окружении толпы, неправомочной, но способной криками одобрения или негодования влиять на решение вечников» (300, с. 59).

Большинство историков убеждено, что новгородское вече собиралось на Ярославовом дворище Славенского конца (на Торговой стороне), где стояла вечевая башня с колоколом (6, с. 18). Но уже В. О. Ключевский различал два рода вече: на Ярославовом дворище и у Софийского собора в Кремле; последнее собиралось для выбора Новгородского Владыки (112, с. 81—82).

Советские ученые В. Л. Янин и М. Х. Алешковский дали глубокий анализ этого вопроса. Они пришли к выводу, что в обычное время, когда жизнь в Новгороде текла в мирном и спокойном русле, вече собиралось у Софийского собора, на общегородской территории, которая была неподвластна ни одному из концов. Сами размеры огромного Софийского собора, могущего вместить в себя всех членов веча, что было не под силу Никольскому храму на Ярославовом дворище, свидетельствуют в пользу этого. На Ярославовом же дворище вече собиралось «в исключительных случаях, возникших в обстановке восстаний или распрей» (300, с. 57). Этот вывод исследователи убедительно аргументируют, весьма правдоподобно объясняя летописные свидетельства или умолчания, а также иконографические данные.

По мнению В. О. Ключевского, «вече не было по составу представительным учреждением, не состояло из депутатов: на вечевую площадь бежал всякий, кто считал себя полноправным гражданином» (112, с. 82).

В. Л. Янин приводит интересные аргументы в защиту мнения о том, что новгородское вече являлось сословно-представительным и состояло в разное время от 300 до 500 человек. При этом он исходит из результатов археологических раскопок, которые показали, что емкость вечевой площади (к западу от Никольского собора на Ярославовом дворище) можно определить в 400—500 человек (здесь очевидно известное противоречие). По мнению В. Л. Янина, вече «включало в свой состав узкосословный контингент участников — бояр и наиболее зажиточную верхушку житеых и купечества» (175, с. 94). Что касается знаменитой вечевой формулы «от бояр, и от житеых людей, и от купцов, и от черных людей», которую приводят летописи, то она, с его точки зрения, имеет в виду не социальную характеристику участников веча, а «их нравственную оценку». С последним высказыванием трудно согласиться. Принимая принцип паритетного представительства, нам кажется нецелесообразным исключать из него городские низы, наиболее многочисленные. Не следует также забывать, что вече, избиравшее Новгородского Владыку (и не только в этих случаях), собиралось не на Ярославовом дворище, а на гораздо более вместительной площади у Софийского собора. Нередко участники веча собирались сразу и на Торговой, и на

Софийской сторонах, после чего сходились на большом мосту через Волхов. Если при этом возникала распря, то обычно вмешивался Владыка, останавливавший враждующих силой креста и молитвы (см. 112, с. 83—84).

В заключение напомним, что вече являлось высшим законодательным учреждением. Но, как выяснил проф. А. И. Никитский, исполнительная власть в Новгороде принадлежала *Совету господ*³⁵. Вече собиралось нерегулярно, по мере надобности, а порой в исключительных случаях. Совет господ как высший правительственный орган Новгородской республики действовал постоянно. Председательствовал же в нем не кто иной, как настоятель Софийского кафедрального собора (патрональной святыни Новгорода), епископ Новгородский.

«В руки епископа переходит Софийская казна; он ведает внешними сношениями Новгорода; он приобретает право суда, право наблюдения за торговыми мерами и т. д. Нигде в других городах и княжествах Древней Руси Церковь не была так тесно связана с государственной жизнью, как в Новгороде», — отмечает акад. Д. С. Лихачев (139, с. 24). Другой видный советский исследователь М. В. Муравьев подчеркивает: «Положение Новгородского Владыки было совершенно исключительное: как епископ он стоял во главе Новгородской Церкви; как председатель Совета господ — во главе управления; избранный всецел, и к тому же пожизненно, он являлся совершенно независимым, но, будучи избранными народом, все новгородские епископы неизменно проявляли выдающийся патриотизм... Среди Новгородских Владык — длинный ряд талантливых людей и выдающихся не только церковных, но и государственных деятелей» (159, с. 73—74).

Всё вышезложенное позволяет нам заключить, что средневековый Новгород представлял собой своеобразную разновидность феодально-теократической республики.

V. Новгород Великий на страже Руси

«Россия. Русь!
Храни себя, храни!»

Н. Рубцов

Греческий историк X века Лев Диакон писал об удивительной храбрости русских, которые «давно стяжали славу победителей над окрестными народами» («Мирные договоры русских с греками», Одесса, 1904, с. 33). Военный союз с Русью считался в Византии лучшим залогом и надежной гарантией безопасности.

Во Франции XI—XIII вв. употреблялась поговорка «идти на Русь» для обозначения заведомо безнадежного военного предприятия. Во французских средневековых поэмах («шансон де жест») упоминание Руси нередко сопровождалось эпитетами «великая», «обширная» (*Roussie la grand, Roussie la large*) (37, с. 63).

«Поэты на совершённые ими подвиги, славяне никогда не были народом воинственным, — подчеркивает немецкий философ И.-Г. Гердер. — Повсюду славяне оседали на землях, оставленных другими народами... их спокойное, бесшумное существование было благодатным для земель, на которых они селились» (И.-Г. Гердер «Идеи к философии истории человечества». Пер. с нем. М., 1977, с. 470).

1. Новгород и Золотая Орда

Зимой 1238 года началось нашествие монголо-татарских полчищ на Северо-Восточную Русь. В январе под Коломной, на рубежах Владимирского княжества собралась владимирская рать, остаток рязанских и пронских полков, а также ополчения отдельных русских городов (например, москвичи). Суздальский летописец указывает, что в этом сражении участвовали и «новгородцы с своими вои» (ПСРЛ, т. I, стб. 521—522). «По количеству сражавшихся и по упорству битвы столкновение под Коломной можно считать одним из центральных событий похода Батые на Северо-Восточную Русь... Только большое численное превосходство позволило Батые сломить сопротивление русских полков под Коломной, которые сумели нанести противнику значительные потери» (99, с. 9).

Упорное сопротивление захватчикам оказали жители Переяславля-Залеского, мужественно оборонявшиеся пять дней.

В феврале 1238 года войско татаро-монголов вступило на Новгородскую землю. 22 февраля ордынцы осадили г. Торжок, небольшую крепость на пути к Новгороду, которая имела важное стратегическое значение. В. В. Каргалов предполагает, что осадой Торжка руководил сам Батый. Оборону города возглавили «Иванко посад-

ник Новоторжский, Яким Влункович, Глеб Борисович, Михайло Моисеевич» и другие любезные горожане. После отражения первого приступа, значительно превосходившие силы врага вынуждены были перейти к правильной осаде: «отыпиша тыном весь около, якоже нини гради имаху, и бишася пороки по две недели». Только после двухнедельных непрерывных приступов и кровопролитных боев, когда «изнемогоша людие в граде», 5 марта 1238 года Торжок пал (99, с. 14). Героическая оборона Торжка имела важное значение для всей Новгородской земли. Татаро-монгольское войско все же двинулось на Новгород, селигерским путем, но, ослабленное сопротивлением, дошло лишь до места, называвшегося Игнач Крест (в 100 верстах от Новгорода, ныне Крестцы, Новгородской области). Здесь завоеватели круто повернули на юг: «Плохие дороги и непроходимые болота преградили дорогу на Новгород конище Батыя, в значительной мере обескровленной и ослабленной мужественным сопротивлением русских княжеств. Татарские войска не рискнули встретиться с сильными новгородским войском и повернули назад из района озера Селигер. Северо-запад Руси счастливо избег разгрома», — пишет акад. Д. С. Лихачев (139, с. 37).

А вот как повествует об этом летописец: «Гнашася проклятии от Торжку Селигерским [селигерским] путем даже и до Игнача креста, а все людей секуше аки траву, за 100 верст до Новгорода не доидоша; Новгород же заступи милосердый Бог, и святой великий отец Кирилл архиепископ Александрийский, и святых правоверных архиепископ Новгородских молитва, и благоверных князей Русских, и предподобных черноризец и ерейскаго Собора; и они безбожнии вспятишася у Игнача креста, прогнани святым Кириллом» (171, с. 34, Новг. IV-я летопись; 170, с. 52, Новг. I-я летопись)*.

Весной 1241 года, после завоевания половецких степей и Южной Руси, где монголо-татары также встретили упорное сопротивление (Киев героически оборонялся десять недель и четыре дня, — см.: 85, с. 194—197), полчища Батыя перешли русские пределы, «иде Угры»... Благодаря героическому сопротивлению, русские сохранили свое управление и свою веру, Русь не стала «ордынским улусом»: «На территории русских княжеств фактически не было ордынской администрации, — подчеркивает современный исследователь. — В исторической перспективе это создавало возможности для самостоятельного развития страны и для борьбы против власти завоевателей» (99, с. 17).

* * *

Попытки русских освободиться от власти ордынского хана, по мнению В. В. Каргалова, начались вскоре после нашествия Батыя; это в особенной мере относится к Новгороду, Пскову, Смоленску, Витебску и Полоцку, не подвергшимся «Батьеву погрому» и сохранившим свои военные силы, а также к Галицко-Волынской Руси, князь которой сумел нанести ордынам несколько чувствительных ударов. Поездка митрополита Киевского Кирилла III (1243—1280) в Новгород в 1250 году, вероятно, имела целью привлечение Новгорода к антиордынской коалиции князя Владимирского Андрея Ярославича и князя Галицко-Волынского Даниила Романовича (99, с. 18). Крупные антиордынские волнения на Руси возникли в связи с проведением переписи русских земель 1257—1259 гг., которая была организована татаро-монголами для обложения Руси регулярной данью. Известия о переписи вызвали в Новгороде народное волнение. Несмотря на содействие в этом деле великого князя Александра Невского, который взял курс на мирные отношения с завоевателями (считая преждевременной открытую борьбу с Ордой), сломить сопротивление новгородцев не удалось: перепись в Новгороде в 1257 году была сорвана. Через 12 лет, в 1269 году, в Новгород приехали ордынские послы Беркай и Касачик, вместе с великокняжеской дружиной.

«Чернь не хотеша дати числа, — отмечал летописец, — но реша: умрем честно за Святую Софию и за дома ангельския». С большим трудом, вняв уговорам св. Александра Невского и своих бояр, новгородцы согласились на перепись (258, с. 136). Эта упорная борьба «меньших людей» имела для Новгорода важные последствия: «Они добились существенных уступок от ордынских послов. В великом северном городе никогда не было ни представителей хана — баскаков, ни откупщиков ордынской дани — «бессерменов», и Новгород самостоятельно собирал «ордынский выход»» (99, с. 22).

* Летописец не случайно дважды упоминает имя святителя Кирилла, архиепископа Александрийского († 444), память которого совершается 9 июня; вероятно, татары повернули вспять в этот день. — В. Н.

* * *

Более трех лет (1237—1240) потребовалось монголо-татарским ордам, чтобы сломить сопротивление русских, и не более двух месяцев (апрель — май 1241), чтобы покорить половину Западной Европы, пройти Венгрию, Чехию и Польшу, часть Германии...

Почему монголо-татарские полчища, дойдя в 1241 году до Чехии и Германии, неожиданно повернули вспять? Весь «секрет поведения» завоевателей, пишет О. Л. Вайнштейн, объясняется страхом оторваться от своих растянутых до Эльбы коммуникаций, имея в тылу обширные русские земли: «Даже порабошенная, залитая кровью, покрытая дымящимися развалинами, Русская земля оставалась для татар постоянным источником беспокойства...» (37, с. 68).

Архидиакон г. Сплита (ныне в Югославии) Фома († 1268) в своей «Истории...»*, повествуя о монголо-татарском нашествии, оставил драгоценное свидетельство о спасительной для Европы роли русских: «Но [так как] рутены [русские] отважно сопротивлялись, [завоеватели] не смогли пройти дальше; ибо были [у них] многократные столкновения с народом рутенов, и [хотя] много крови было пролито с той и другой [стороны], все же [они] были далеко изгнаны рутенами» (цит. по: А. В. Назаренко. Русь и монголо-татары в хронике сплитского архидиакона Фомы. — «История СССР». 1978, № 5, с. 152).

Оценила ли Европа жертвенный подвиг русских, которые, выражаясь словами поэта, «держали щит меж двух враждебных рас — монголов и Европы»?.. Как отблагодарила Европа свою спасительницу, взшедшую на Голгофу испытаний?..

2. Надежный щит русского Северо-Запада

«Кто к нам с мечом придет —
от меча и погибнет».

Св. Александр Невский

С середины XII века началась антирусская экспансия Шведского феодального государства; в конце XII века эта экспансия осложнилась и ужесточилась в сочетании с агрессивной немецких феодалов.

Русь, ослабленная феодальной раздробленностью, с трудом противостояла натиску своих северо-западных соседей.

В XIII—XIV вв. главной внешнеполитической задачей Новгорода стало сохранение целостности Северо-Западной Руси, защита общерусских рубежей и своих собственных границ. «Для того, чтобы добиться выполнения указанных задач, Новгороду приходилось вести войны, отправлять посольства, заключать договоры, вступать в союз и расторгать союзнические отношения. В целом, несмотря на отдельные неудачи, сила новгородского войска и искусство новгородских дипломатов обеспечивали выполнение обеих задач» (12, с. 99).

Основой новгородского войска являлось всенародное ополчение из бояр, жилых людей, крестьян и ремесленников, обычно собираемое для определенного похода (продолжительность его могла варьироваться в пределах нескольких месяцев), после окончания которого ополченцы возвращались к своим мирным занятиям. В ополчение не входили только холопы; священнослужители, не принимая непосредственного участия в военных действиях, сопутствовали ратникам в качестве пастырей, помогавших в духовных нуждах: они совершали различные требы (чин освящения оружия, молебны о даровании победы и т. п.), утешали раненых, напутствовали отходящих в жизнь вечную, — одним словом, поддерживали высокий дух войска.

Кроме народного ополчения, в походы отправлялась хорошо обученная конная дружина князя.

Ратники были облачены в доспехи (железные пластинки, прикрепленные к кожаной или матерчатой основе) и вооружены мечами, копьями и арбалетами (усовершенствованными луками с броневой миной стрелами). Княжеская дружина представляла собой род регулярного войска, но численность ее была весьма невелика (несколько сот человек). Обычная численность новгородского ополчения также была сравнительно невелика — 5—10 тысяч; после похода ратники спешили возвратиться к мирным занятиям, а сами походы носили вынужденный, оборонительный характер.

«Нам неизвестны акты агрессии со стороны Руси на Балтийском море, — пишет современный исследователь. — Ливонские и шведские захватчики вынуждали русских

* «История салонских и сплитских архиепископов» («Historia Salonitanorum pontificum as Spalatensium»).

браться за оружие. Военные действия Руси на Балтийском море и на его побережье были обусловлены тем, что русских пытались отрезать от моря, нарушив их промыслы и «торг», захватить их «отчины», подчинить их союзников и данников (емь, карел, воль, ижору)» (146, с. 170). С этим мнением нельзя не согласиться.

Народы Прибалтики с незапамятных времен были связаны торговыми и культурными связями с Русью; эстонский и латышский языки сохранили до сих пор следы древнего славянского влияния (см.: Я. Эндзели. Древнейшие славяно-балтийские языковые связи. — Известия АН Латвийской ССР, 1953, вып. 3, с. 33—46). Памятники материальной культуры, древние захоронения, предметы культа, найденные при археологических раскопках, свидетельствуют о сравнительно раннем проникновении христианства в Прибалтику из Руси (X—XI вв.), о дружественных отношениях славян и прибалтийских племен. Стремление к миру с народами спокойствия в этом регионе — каковыми являлись германские племена — являлось определяющим во внешней политике средневекового Новгорода.

В 1195 году Новгородский князь Ярослав Владимирович подписал мирный договор «со всеми немцами, голландцами и латинянами», который был подтверждением и расширением прежнего «мира старого» (214, с. 101).

Действия немецкого рыцарского ордена меченосцев (учрежденного в 1202 году) в Прибалтике преследовали цель создать торговую блокаду Новгорода; экспансия ордена на Восток была прямым нарушением заключенных ранее мирных соглашений. Прибалтийские народы, в особенности эсты (эстонцы), не раз обращались за помощью к русским, когда на них обрушивалась агрессия с Запада. Так, например, в 1216—1218 гг. новгородско-псковские полки в союзе с эстами дали отпор и отпустили немцев из захваченных ими земель (см. 88).

В 1221 году, отражая натиск меченосцев, новгородская рать во главе со святым благоверным князем Всеволодом Мстиславичем († 1138), в союзе с литовцами совершила успешный поход на г. Венден (в русских источниках г. Кесь, латв. Цесис). Новгородцам помогали ратники «из других городов Руссии», общим числом 12 тысяч человек. По сообщению Генриха Латвийского, подробно описавшего этот поход, русские разбили немцев под Венденом, дошли до окрестностей Риги и вернулись обратно (56, гл. XXV, 3)³⁶. В следующем году русские пришли на помощь эстам, которые подняли восстание, доведенные до крайности насилиями меченосцев; восстание было подавлено в сентябре 1223 года, когда «русская помощь не могла быть усилена, так как на юге Руси показались монгольские орды» (214, с. 110; 56, гл. XXVI, 1)^{*}.

Специальной буллой от 14 февраля 1228 года Папа Римский Григорий IX (1227—1241) объявил о принятии под свое покровительство ордена меченосцев, «вместе со всем их имуществом, которым они владеют или в будущем будут владеть» («Liv-Est-Curland's Urkundenbuch», t. I, Revel, 1853, N 99). Эта булла, по мнению акад. Б. Я. Рамма, означала «заявку» Папы на верховные феодальные права над прибалтийскими землями (214, с. 115). Подобные притязания предъявил в том же году и император Священной Римской империи Генрих XII (214, с. 116).

Опустошительное нашествие на Русь монголо-татарских орд в 1236—1240 гг., казалось, сделало ее неспособной к отражению агрессии с Запада. К этому времени (в 1237 г.) произошло объединение немецких рыцарей в Прибалтике: ордена меченосцев и тевтонского ордена (основан в 1190 г.), которые слились и стали называться Тевтонским орденом в Ливонии (или Ливонским орденом).

И. П. Шаскольский считает, что последовавшие в 1240 году походы шведского и немецко-датского войск на Русь были, по всей вероятности, заранее согласованы и явились результатом «заключенного при участии папской курии соглашения об одновременном нападении на русские пределы с целью завоевания северо-западных русских земель» (288, с. 157).

В июле 1240 года шведское войско приплыло на кораблях в Неву и остановилось в устье Ижоры, чтобы оттуда идти на Новгород. Во главе шведов стоял Биргер, зять короля Магнуса Эриксона, фактический правитель Швеции. Не сомневаясь в победе, он выслал князю Александру Невскому гордое объявление войны: «Если можешь противиться нам, то я уже здесь и пленю землю твою» (цит. по: 139, с. 38). Биргер был убежден, что юный русский князь (Александру было всего 20 лет) не сумеет защитить Новгород, но он ошибался: «Александр любил Новгород, знал новгородцев и умел подчинять их своей власти. Новгородцы высоко ценили своего князя, с уважением отзывались о его воинском искусстве, видели в нем надежного защитника...» (139, с. 37).

^{*} 31 мая — 2 июня 1223 г. русско-половецкие войска потерпели поражение от монголо-татарских полчищ в битве на реке Калке.

Св. князь Александр Невский, услышав о вызове Биргера от его послов: «разгорелся сердцем» и, как повествует житие, вошел в Софийский собор, упал на колени пред алтарем и начал молиться со слезами: «Боже славный, праведный, Боже Великий, сильный, Боже пречестный, сотворивший небо и землю и установивший пределы народам, ты повелея жить, не преступая чужих границ». И, припомнив слова пророка, сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне» (182, с. 429).

Окончив молитву, князь подошел к архиепископу Новгородскому Спиридону (1229—1249), которому земно поклонился. Владыка Спиридон преподал князю благословение на ратный подвиг и отпустил его с напутствием. Выйдя из собора, князь Александр осушил слезы и начал ободрять свою дружину, к которой обратился со знаменитыми словами: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнопевца [библейского псалмопевца Давида, автора Псалтири], который сказал: «Одни с оружием, а другие на конях, мы же Имя Господа Бога нашего призовем; они, поверженные, пали, мы же устояли и стоим прямо». Сказав это, пошел на врагов с матвою дружиною, не дожидаясь своего большого войска, но упоая на Святую Троицу» (182, с. 429).

Александр Невский предусмотрительно поручил старшине ижорского племени Пелгусию (во святом крещении Филиппу) «стражу морскую» в устье реки Невы. Будучи христианином, Пелгусий вел богоугодную жизнь — он строго соблюдал посты и отличался подвигом бдения. Это позволило ему провести всю ночь без сна, узнать о силе неприятеля и сподобиться чудесного видения, о котором повествуется в «Житии св. Александра Невского»: «Стоял он на берегу моря, наблюдая за обоними путями, и провел всю ночь без сна. Когда же начало всходить солнце, он услышал шум сильный на море и увидел один насад, плывущий по морю, и стоящих посредине насада святых мучеников Бориса и Глеба в красных одеждах, держащих руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели, словно мглою одетые. Произнес Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру» (182, с. 431). Явившись к князю Александру Невскому, Пелгусий рассказал ему о высадке шведского десанта в устье Невы и поведал о бывшем ему видении. Князь с воодушевлением выслушал его и продолжил поход. Действия его носили быстрый и внезапный характер: по образному выражению одного источника, «шведы не успели опоясать своих мечей» (цит. по: 204, с. 141). Сражаясь впереди своего войска, Александр Невский нанес удар мечом в лицо самому Биргеру — предводителю шведов: «И была сеча великая... и перебил их князь бесчисленное множество, а на лице самого короля оставил след острого копья своего» (182, с. 431). В битве особенно отличились шесть ратников, имена которых приводит житие св. Александра Невского: Гаврило Олексич, Сбыслав Якунович, Яков, родом полочанин, Меша, Сава, Ратмир (последний от многих ран скончался). Гаврило Олексич едва не пленил шведского королевича: Сава ворвался в королевский златоверхий шатер и подсек его; Сбыслав бесстрашно бился с одним топором в руках; Меша со своей дружиной потопил три шведских корабля... Русский поэт XVIII века В. П. Петров так описал битву на Неве в своей поэме «Александр Невский»:

«То шведа Невский отражает,
То новгородца швед теснит...
Боец сильней копье ломает —
И меч о меч сильней стучит...
Как две волны в кипучем море —
Предтечи бури роковой,—
С отвагой огненной во взоре —
Они сошлись...» (188, с. 24—25).

Остатки разбитого шведского войска спешно покинули невские берега. Новгородского князя Александра Ярославича за эту блистательную победу стали называть Невским. Новгород Великий и вся Русь благодаря этой победе на несколько десятилетий избавились от угрозы с севера.

Правда, осенью 1256 года шведы вновь предприняли попытку территориального захвата русских земель: они высадились в устье реки Наровы и стали строить крепость, чтобы лишить новгородцев выхода в Балтийское море. Но, узнав о том, что полки св. Александра Невского готовятся выступить против них, шведы вернулись восвояси, оставив крепость недостроенной⁸⁷.

В памятке конца XIV — начала XV в. «Рукописании Магнуша», которое народная молва в Новгороде считала завещанием Магнуса Эриксона, короля Швеции (1319—1363) и Норвегии (1319—1355), содержится следующее предостережение от

войны с Русью: «Завещание Магнуша, короля шведского. Вот я, князь Магнуш, король шведский, нареченный в святом крещении Григорием, уходя из этого мира, пишу завещание при жизни своей и приказываю своим детям, и своим братьям, и всей земле Шведской: не нападайте на Русь, если крест в этом целовали; нет вам в этом удачи» (183, с. 59).

* * *

Почти одновременно со шведской агрессией на Русь напали немцы — рыцари Ливонского ордена. Им удалось овладеть Изборском, а затем и Псковом (псковичи храбро защищались, но нашлись изменники, открывшие городские ворота). Часть псковичей успела бежать в Новгород. Чтобы вернуться на Новгородско-Псковской земле, рыцари-ливонцы построили на холме в Копорье крепость. Над Русью нависла страшная опасность: немцы намеревались захватить Новгород.

Перед лицом этой угрозы святой князь Александр Невский, уехавший ранее к своему отцу в Переяславль, вернулся в Новгород: его возвращению потребовали от новгородских бояр, не поладивших с князем, народные массы. Архиепископ Новгородский Спиридон с этой целью ездил в Переяславль и уговорил князя Ярослава Всеволодовича отпустить сына вновь на княжение в Новгород.

С присущей ему быстротой и решительностью Александр Невский собрал войско из новгородцев, ладожан, ижорцев, а также из литовцев и некоторых других народностей, живших на новгородской земле. В 1241 году он внезапным ударом вернулся Копорье и, нанеся немецким рыцарям сильное поражение, отеснил их к реке Нарове. В начале 1242 года объединенной новгородской рати удалось всрнуть Псков и Изборск. Весной 1242 года произошло решающее сражение с немецкими рыцарями на льду Чудского озера. Рыцари хвалились: «возьмем князя Александра руками» (182, с. 432), но они жестоко просчитались.

Как талантливейший полководец, ясно представляя себе силу фронтального удара рыцарского «клина» («железной свиньи»), Александр Невский построил свои войска так, чтобы основные силы находились не в центре, а на флангах.

5 апреля 1242 года на льду Чудского озера произошло знаменитое в истории Средневековья сражение.

Перед битвой Александр вознес молитву к Господу: «Суди меня, Боже, рассуди расприю мою с народом неправедным и помоги мне, Господи, как в древности помог Моисею одолеть Амалика и прадеду нашему Ярославу окаянному Святополка» (182, с. 433).

Немецкий клин, ударивший в центр русского войска, был зажат с флангов и с тыла; тяжеловооруженные рыцари, не имея возможности маневрировать, падали на скользком льду, проваливались, когда он ломался... «И была сеча жестокая, и стоял треск от ломающихся копий и звон от ударов мечей, и казалось, что двинулось замерзшее озеро, и не было видно льда, ибо покрылось оно кровью...» (182, с. 433). Для ливонских рыцарей ход и исход этого сражения был действительно «Ледовым побоищем», как его метко прозвал народ. Блистательная победа св. Александра Невского спасла не только Русь, но и соседние народы от немецкого владычества. Тевтонский орден в Ливонии выслал своих послов в Новгород, где в 1243 году был подписан мирный договор, в котором немецкие рыцари клятвенно заверяли о своем отказе от всяких территориальных притязаний и соглашались на обмен пленными. «С какой бы алчностью ни тянулись после этого германские феодалы к русским землям, — отмечает акад. Б. Я. Рамм, — к богатым русским городам, стратегических планов завоевания Руси в средние века уже никто больше в Западной Европе не решался всерьез ни разрабатывать, ни предлагать» (214, с. 134).

Победа русских в Ледовом побоище имела огромное историческое значение не только для Руси; ее плодами смогли воспользоваться также Литва и Польша. О. Л. Вайнштейн справедливо подчеркивает: «...Если к XIV в. возникло великое княжество Литовское, если Литве и Польше удалось сохранить и защитить свою национальную и политическую независимость от немецких феодалов, то все это в немалой степени является следствием подвига русских воинов на льду Чудского озера. Поэтому у нас есть известные основания утверждать, что, не будь побед Александра Невского, была бы невозможна победа литовско-русско-польского войска при Грюнвальде» (37, с. 70)³⁸.

Не меньшее значение, чем Ледовое побоище, — по мнению В. Ф. Андреева, — имела Раковорская битва, которая известна гораздо меньше, хотя о ней повествуется в летописи: «...бысть страшно побоище, яко не видели ни отцы, ни деди» (174, с. 87). Битве предшествовал захват Данией северо-восточной Эстонии и строительство там замка Раковор (или Везенберг; ныне г. Раквере в Эстонской ССР). В 1268 году

новгородцы предприняли попытку взять этот замок, но безуспешно. В начале 1269 года поход был повторен. На этот раз, кроме новгородского ополчения, в походе участвовали псковские полки во главе со святым благоверным князем Довмонтом († 1299, память 20 мая), переяславские полки князя Дмитрия Александровича (сына Александра Невского) и дружины князей Михаила и Святослава Ярославичей (сыновей великого князя Ярослава Ярославича). «Таким образом, походу, организованному новгородцами, был придан характер объединенного военного предприятия княжеств северо-восточной и северо-западной Руси. Подготовка к нему осуществлялась с особой тщательностью» (12, с. 108). По словам летописца, новгородцы пригласили умелых мастеров, которые для успешной осады крепости построили на Епископском (Владычнем) дворе стенобитные орудия. Несмотря на то, что ливонские рыцари вероломно нарушили договор о нейтралитете и выступили во главе с магистром Отто фон Роденштейном на помощь датчанам, русские приняли сражение. Битва 18 февраля 1269 года напоминала Ледовое побоище. Разбив фланговые прикрытия, русские полки с двух сторон ударили в войско неприятеля, обратили его в бегство и преследовали семь верст, дотемна. Наутро рыцарей поблизости не оказалось — их остатки бежали и рассеялись. «Раковорская битва надолго осталась в памяти новгородцев. И хотя позднее Ливонский орден не раз угрожал северо-западным русским землям, его самый сильный натиск был остановлен. Русь не стала добычей немецкого рыцарства» (12, с. 109).

Победа при Раковоре была закреплена разгромом немцев под Псковом в 1272 году Псковским князем святым благоверным Довмонтом, достойным продолжателем святого Александра Невского.

Князь Довмонт за свое более чем тридцатиплетнее княжение (1266—1299) прославился как благочестивый христианин и доблестный полководец, не раз спасавший Псков от нападения Литвы, датских и немецких рыцарей. Князь Довмонт поднимал псковичей на защиту Родины словами: «Добрые мужи псковичи! Кто из вас стар, тот мне отец, кто молод, тот брат. Постои́м за Святую Троицу!» В благодарность Господу, Именем Которого он одерживал победы, святой благоверный князь Довмонт (в крещении Тимофей) возвел рядом с псковским Кремлем множество храмов в честь тех святых, в дни памяти которых одерживал победы (164, с. 265; см.: «Сказание о Довмонте», 183, с. 50—57).

В результате побед, одержанных святыми князьями Александром и Довмонтом (Тимофеем), была остановлена волна шведско-немецкой агрессии, наиболее опасной с момента возникновения Русского государства (105, с. 11).

* * *

В 1251 году Новгородский князь св. Александр Невский отправил в Норвегию к королю Хакону посольство во главе с боярином Михаилом (как считает И. П. Шаскольский, это был боярин Михаил Федорович, посадник Ладоги в 1257—1268 гг.). Цель посольства заключалась в урегулировании взаимоотношений между Новгородской республикой и Норвегией, осложненных столкновениями в пограничной области Финмаркене между норвежскими сборщиками дани и карелами, которые являлись подданными Великого Новгорода и также собирали там дань. Кроме того, Александр Невский хотел просить руки дочери норвежского короля Хакона Христины для одного из своих сыновей. Переговоры были продолжены в Новгороде, где князь Александр устроил норвежским послам хороший прием и вручил для короля Хакона богатые дары. В результате заключенного между Новгородом и Норвегией договора (первого русско-норвежского мирного соглашения)³⁹ конфликт был урегулирован ко взаимному удовлетворению обеих сторон (этот договор был подтвержден впоследствии в 1326 году) (284, с. 114). Сватовство не имело последствий, так как обострение отношений с Ордой отвлекло внимание Александра Невского (вероятно, династический брак сына показался ему в новых условиях нецелесообразным).

Посольство и договор 1251 года свидетельствуют о том, что к середине XIII в. новгородские земли вплотную придвинулись к пределам Норвегии, а, следовательно, вся Карелия и весь Кольский полуостров стали к тому времени периферийными владениями Новгорода.

Это побуждает нас, как подчеркивает И. П. Шаскольский, несколько изменить и наши представления об общем состоянии Руси в первые десятилетия после татаро-монгольского нашествия. Несмотря на то, что 40-е и 50-е годы XIII века были самыми тяжелыми в истории Руси (почти все русские города лежали в развалинах), русская государственность не была уничтожена, и в этом решающая заслуга Новгорода. Дав сокрушительный отпор шведам и немцам на Певе и Чудском озере в 1240—1242 гг., Новгород заставил не только Швецию и Ливонию, но и другие соседние

государства, в том числе Норвегию, с безусловным почтением относиться к своему восточному и южному соседу.

Шведский ученый А. И. Гиппинг в своем труде «Нева и Ниеншанц», характеризую внешнюю политику Новгородца в XIV в., писал: «Он брался за меч только для защиты своих пределов или для наказания врагов, нарушавших его покой» (57, с. 151; цит. по: 175, с. 151).

Урегулирование отношений с Норвегией показывает, что Новгород продолжал вести активную внешнюю политику и что международный престиж русской государственности был достаточно высок. К 1251 году князь Александр Невский укрепил северо-западные границы Руси с тремя главными соседями — Швецией, Германией и Литвой. Закрепив границы и упрочив отношения с северным соседом — Норвегией, Александр Невский, который вел переговоры как глава великой державы европейского Севера, высоко поднял международное значение русской государственности, обеспечил возможность мирного развития Руси, постепенного накопления ее сил для свержения ордынского ига.

Русская Православная Церковь по достоинству причислила впоследствии князя Александра Невского и князя Довмонта к лику святых. Понстине, не случайно иконопись русского средневековья любит изображать святых воинов: Георгия Победоносца, Димитрия Солунского, Феодора Стратилата и других. Сочетание креста с копьем, как ни рискованно это сравнение, свидетельствует нам о единстве духа у молитвенника и воина — в особенности если речь идет о спасении Родины...⁴¹

3. Новгородская рать на Куликовом поле

«О поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями?..
Кто на тебе со славою пал?
Чьи небо слышало молитвы?»

А. С. Пушкин

Достойным наследником святых благоверных князей Александра Невского и Довмонта явился Димитрий Донской, под водительством которого Русь одержала всемирно-историческую победу на Куликовом поле. Эта победа знаменовала собой конец ордынского ига, освобождение Руси от иноземного владычества, начало новой эпохи в истории нашего Отечества.

В исторических трудах, как известно, вслед за Н. М. Карамзиным и С. М. Соловьевым, утвердилось мнение, что Новгород не принимал участия в Куликовской битве, так как летописи об этом не сообщают (96, т. 5, примеч. 65; 249, с. 121 и др.). Еще акад. А. А. Шахматов в своем отзыве на сочинение С. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» высказал предположение, что сообщения об участии новгородцев имелись в недошедшей до нас московской летописи; он подчеркивал, что «самый скептический ум не решится признать вымышленными некоторые факты» войны 1380 г., на том лишь основании, что летописи о них молчат (см.: «Отзыв о двенадцатом присуждении Имп. Акад. наук премий митрополита Макария в 1907 году». СПб., 1910, с. 175).

«Повесть о Куликовской битве», вошедшая в русские летописные своды XV—XVI вв., как известно, была составлена в Москве в период, когда отношения Москвы и Новгорода ожидали желать много лучшего. «Повесть» не упоминает о помощи Новгорода Москве, но в ней не упоминают ни одного княжества и ни одной другой области (хотя они прислали крупные воинские соединения); повесть говорит о сборе войск под знамена великого князя Московского из русских земель в наиболее общих выражениях: «И собрав вой своих 100 тысяч и сто, опроче князей русских и воевод местных... Бяше все силы и всех ратей числом с полтораста тысяч или с двести тысяч» (ПСРЛ, т. VI, с. 91).

Современный исследователь С. Н. Азбелев в специальной работе, на основе скрупулезного анализа источников весьма аргументированно доказывает, что Новгород принял участие в общерусском походе 1380 года и новгородский отряд сражался на Куликовом поле (см. 2).

Предпосылкой этого участия явился военный союз между великим князем Димитрием Донским и Новгородской республикой, заключенный в первой половине 70-х годов XIV века (за несколько лет до Куликовской битвы): «Аще будет обида со князем литовским, (...) Новгороду вести на конь со мною, со князем великим и с моим братом со князем Владимиром с одного» (62, с. 31). Различные исследователи

датируют этот договор по разному: 1371—1372 гг. (С. М. Соловьев, В. С. Борзаковский, А. Е. Пресняков); 1372—1373 гг. (А. А. Зимин); не ранее весны 1374 г. (В. Л. Янин); 1375 г. (Л. В. Черепнин) и т. д. В данном случае эти расхождения не имеют принципиального значения, так как все упомянутые ученые датируют договор **ранее 1380 года.**

Все русские летописи, а также некоторые немецкие хроники сообщают, что литовский великий князь Ягайло в 1380 году вступил в союзные отношения с Мамаем и выступил на соединение с татарским войском, когда Мамай начал поход.

Таким образом, вышеупомянутый договор **обязывал** Новгород оказать военную помощь Москве, тем более, что весной 1380 года взаимные обязательства были подтверждены на переговорах в Москве, которые возглавляли великий князь Дмитрий Донской и архиепископ Новгородский Алексей, о чем сообщают летописи (172, с. 238; 174, с. 376 и др.).

Согласно летописям,—отмечает С. Н. Азбелев,—Дмитрий Донской узнал о выступлении Ягайла на помощь татарам в августе 1380 года, когда войска Мамаю были уже у русских границ. Еще через несколько дней, когда до Куликовской битвы оставалось менее месяца, весть эта могла достичь Новгорода. «Собрать ополчение в разгар полевых работ, вооружить его и совершить пеший переход на расстояние около тысячи километров было невозможно за короткий срок... в ситуации, отраженной летописями, была реально осуществима только... отправка сравнительно небольшого конного войска из числа тех сил, которые содержались Новгородом постоянно на случай непредвиденной военной опасности» (2, с. 90—91).

Очевидно также, что новгородский архиепископ Алексей, опасаясь постоянной угрозы со стороны Тевтонского ордена и ожидая непосредственного столкновения с соседней Литвой, не мог оставить Новгород без надежной защиты.

В наиболее подробно изложении участие новгородцев в Куликовской битве отражена так называемая «распространенная» редакция «Повести о Мамаевом побоище» (см.: «Повести о Куликовской битве», М., 1959). «Повесть...» излагает события следующим образом. Новгородские купцы, узнав в Москве о нашествии Мамаю и союзе литовского князя с Мамаем, поспешили в Новгород и известили об этом посадников. Посадники пришли к архиепископу Новгородскому Евфимию [здесь явный анахронизм,— в это время святительствовал архиепископ Алексей, см. соответствующее примечание]⁴¹ и пересказали ему услышанное. Архиепископ вознес молитву о даровании победы над Мамаем, после чего собрал вече. На вече владыка призвал новгородцев выступить на стороне московского великого князя против неверных агарян, которые хотят «веру Христову осквернити и святых церкви разорити и род христианский искоренити» (цит. по: 2, с. 79).

Граждане Великого Новгорода единодушно выразили готовность помочь Москве и отдать жизнь «веры ради Христовы», попросив лишь один день на сборы. Тут же были избраны шесть «воевод крепких и мудрых зело» (приведены имена), «и с ними отрядиша избранаго войску 40 000» (из общего числа 80 000).

На следующий день новгородское войско собралось по звону колокола «па дворше у Святого Николы». Владыка [Алексей] окропил ратников святой водой и сказал им напутственное слово. Воини «яко едиными усты» заявили о своей готовности умереть за правое дело. Владыка благословил войско и призвал восвод поспешить на выручку Москве.

Новгородское войско двинулось, воодушевленное общим патриотическим порывом, выступая вслед народным ополчениям из других русских княжеств:

«То не стук стучит,
то не гром гремит,
то идут полки белозерские.
Вот пришли полки ярославские,
костромские и новгородские.
— Князь! Владимирские идут.
И коломенский с нами тут.
Рать доспехами серебрится,
как вода на ветру струится,
будто малые и великие
реки Русской земли
все к Москве-реке потекли»...

(Игорь Шкляревский.

Слово о Куликовом поле.

«Лит. газета», 1982, № 35, с. 7).

В пути новгородская рать узнала о том, что великий князь Дмитрий уже выступил из Москвы в Коломну, и направилась туда, выслав вперед гонцов. Узнав от них о новгородской помощи, великий князь со слезами нечаянной радости возблагодарил Бога. Новгородская рать подошла к Коломне и остановилась в поле. Князь Дмитрий Иванович призвал к себе новгородских воевод и «больших витязей», и устроил в их честь «пир честен». На этом самостоятельный текст «о мужах новгородских» в данной «Повести...» в сущности оканчивается.

С. Н. Азбелев, сопоставив по разным рукописям перечень шести воевод, которые возглавили новгородское войско, приводит его в наиболее достоверном виде:

«Избраше шесть воевод крепких и храбрых зело: перваго — Ивана Васильевича, втораго — посадника, сына его, Аньдрея Волосатого, третьяго — Фому Михайлова Красного, четвертаго — Дмитрия Даниловича Заберского, пятого — Михаила Панальевича, шестаго — Георгия Захарьича Хромого» (ГПБ, О. XVII. 22, лл. 175 об.—176; цит. по: 2, с. 81). Исследователь отмечает, что в большинстве списков посадником назван не Андрей Иванович, а его родитель Иван Васильевич, что объясняется «исправлениями» позднейших переписчиков, которые ставили на первое место отца (переделка текста в обратном направлении была бы невозможна). Следует обратить внимание на тот факт, что количество воевод в точности соответствует реальному положению вещей в Новгородской республике того времени: начиная с середины XIV века новгородское войско возглавлялось в походах пятью или шестью воеводами, представляемыми «концов» (районов) Новгорода.

Воевода Иван Васильевич — это, по всей вероятности, новгородский боярин Иван Васильевич Машков, трижды упоминаемый в новгородских летописях под 1366—1369 гг.: его сын Андрей Иванович упоминается летописью четырежды в начале XV века как новгородский посадник; известно также, что ему адресована берестяная грамота, датированная 10—20-ми годами XV века (2, с. 91).

Еще один вариант Сказания о помощи новгородцев, дошедший до нас в рукописи из собрания Уварова, был издан С. К. Шамбинаго (см. 283). С. Н. Азбелев считает его первоначальной версией Сказания⁴³, записанной в середине XV в., до присоединения Новгорода к Москве: «Здесь мы имеем дело уже не с литературной обработкой устного текста и даже не с его пересказом, а именно с записью, которая, очевидно, представляет собой дословную или почти дословную передачу устного оригинала» (2, с. 86). Численность Новгородского войска указана здесь 13 000. Вообще она варьируется по-разному в разных списках: 7000, 13 000, 30 000, 40 000, 70 000. Исследователь считает исходной цифрой 7000, а остальные — производными от нее вследствие слуховых ошибок в устной передаче или ошибочного прочтения в письменном тексте.

С. Н. Азбелев весьма обстоятельно комментирует летописную «Повесть о Куликовской битве», обращая особое внимание на фрагмент, в котором сообщается, что литовский князь Ягайло «не успел» к Куликовской битве всего на один дневной переход или даже того меньше (хотя литовская граница проходила тогда в 70-ти километрах от Куликова поля), и «побеже назад со многуо скоростию, шким же гоним» (ПСРЛ, т. VI, с. 96).

Эти «странности» в Повести исследователь объясняет, на наш взгляд, достаточно убедительно, сопоставляя их с сообщениями о Куликовской битве немецких хроник Дитмара и Иоганна фон Позинье (XIV в.): «Там сражалось народу с обеих сторон четыреста тысяч. Русские выиграли битву. Когда они отправились домой с большой добычей, то столкнулись с литовцами, которые были позваны на помощь татарам, и [литовцы] отняли у русских их добычу...» («Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis ins 16. Jahrhundert», Bd. 19, Leipzig, 1884, S. 568; цит. по: 2, с. 93).

Н. М. Карамзин в свое время высказал предположение, что в Германии узнали о Куликовской битве от немецких купцов, прибывших в 1381 году из Новгорода в Любек, на съезд представителей городов Ганзейского союза (96, т. 5, примеч. 81).

«Очевидно, что новгородский устный рассказ, к которому восходят сведения немецких хронистов, сообщал не о судьбе главных сил Дмитрия Донского. Московские летописи, весьма раздраженно отзывающиеся о союзниках Мамая, не умолчали бы о нападении литовцев на войско, возвращавшееся в Москву... Остаётся признать единственное объяснение. Немецкие хроники сообщали о нападении литовского войска на новгородский отряд, возвращавшийся со своей частью военной добычи в Новгород вдоль литовского рубежа» (2, с. 94—95). В подтверждение этой догадки ученый приводит запись Епифания Премудрого, бывшего в то время иноком Троице-Сергиева монастыря, на богослужебной рукописи, датированную 20 сентября 1380 года (через 12 дней после Куликовской битвы): «Весь прииде, яко литва грядут с агаряны» (цит. по: 2, с. 95). Эта весть, по всей вероятности, задержала войско Дмитрия Дон-

ского с 21 по 25 сентября в Коломне, на обратном пути в Москву; но столкновение с новгородцами уже исчерпало военный потенциал литовского войска, а отбитые у новгородцев трофеи побудили его, не подвергая себя дальнейшему риску, вернуться восвояси. Уцелевшая же часть новгородского отряда принесла в Новгород вести, которые через год стали известны участникам ганзейского съезда и попали в немецкие хроники.

Таким образом, выясняется следующее. Новгородская рать предотвратила в качестве мощного заслона неожиданный удар войска Ягайло в тыл или во фланг русских (что представляло гораздо большую опасность, чем непосредственное соединение литовцев с армией татар). Затем новгородская рать приняла геронческое участие в Куликовской битве, выступив на правом фланге русского войска (по сообщению протранной версии «Сказания»). После Куликовской битвы, согласно летописям, из двухсоттысячного русского войска уцелело сорок или пятьдесят тысяч: победа досталась поистине дорогой ценой... В этот момент новгородское войско сыграло исключительно важную роль — отразило удар Ягайло; благодаря этому победа осталась за русскими, литовцы вынуждены были отступить: «Ягайло со всею силою литовскою побеже назад со многуо скоростию, никим же гоним...»

«Щит» Новгорода оказался и на этот раз достаточно крепким и надежным, чтобы защитить Москву с запада. Верность Новгорода патриотическому долгу и договорным обязательствам с Москвой подтверждается также следующими фактами.

В 1381 году в Новгороде были возведены два каменных храма: во имя святого Димитрия Солунского (Небесного покровителя Димитрия Донского) на улице Славкове и в честь Рождества Христова на Поле, о чем сообщают летописи. В краткой летописи самого храма Димитрия Солунского сказано, что он возведен «по обещанию великого князя Димитрия Донского», данному во время Куликовской битвы. Димитрий Донской в благодарность за помощь новгородцев сдержал свой обет, — справедливо полагает Азбелев (2, с. 96). Что касается церкви Рождества Христова, то, по свидетельству Новгородской Погодинской летописи, она также «обещанная, чтобы Бог пособил победити Мамаю безбожного князю Димитрию» (ГБЛ, собр. ОНДР. № 129, л. 45 об.), она также заложена «по завету о победе на Мамаю» (ГИМ, собр. Чертова, № 331, л. 135).

Опубликованный в 1911 году И. А. Шляпкиным «Синодик 1552—1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви» («Сб. Новгородского общества любителей древности», вып. 5, с. 6—7), едва ли не древнейший из сохранившихся русских синодиков, заслуживающий полного доверия, содержит поминовение «на Дону избивеных братии нашей при величии князи Дмитреи Ивановичи».

Несомненно, что речь идет о поминовении погибших в Куликовской битве новгородцев, когда еще были живы их дети. «Это прямое свидетельство надежного источника окончательно убеждает в том, что непосредственное участие новгородцев в войне 1380 г. — исторический факт» (2, с. 97).

Сопоставление «Сказания о помощи новгородцев...» с различными редакциями «Задонщины», на котором мы не будем здесь останавливаться (см. 2, с. 97—102), подтверждает этот вывод современного исследователя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сочинения этих авторов, посвященные Новгороду, указаны в библиографии под следующими номерами: 26, 75, 76, 97, 131, 195, 209, 256, 263 и др.

² Известный советский историк М. Н. Покровский, признавая Новгородскую Русь более высоким типом государственного образования, чем Киевская Русь, подчеркивал важность изучения новгородской истории: по Новгороду можно судить, «чем стала бы Киевская Русь, если бы ее экономические ресурсы не были исчерпаны в XII веке» («Избранные произведения». Кн. 1, М., 1966, с. 185).

В. Ф. Андреев обращает внимание исследователей на целесообразность изучения истории и социально-общественного уклада Новгорода в сопоставлении с северогерманскими и западноевропейскими городами, такими, например, как Любек, Венеция и Флоренция (175, с. 145).

³ Современный исследователь Е. Н. Носов отмечает, что время и характер славянского поселения в бассейне оз. Ильмень, как и во всей лесной зоне Восточной Европы, до сих пор относятся к недостаточно разработанным вопросам славянской археологии (175, с. 49).

Акад. С. Ф. Платонов был убежден, что первоначальное заселение русского Севера славянами пошло из Великого Новгорода (191, глава «Новгородская колонизация Севера», с. 13—21).

⁴ «Новгородцы были древнейшими славянскими пришельцами прямо с Дуная, удержавшими за собою родовое название славян, тогда как другие славянские племена, поселившиеся в Русской земле, утратили свое родовое название», — подчеркивает И. Беляев (20, с. 201), делая такой вывод на основе летописного свидетельства преподобного Нестора-летописца в «Повести временных лет».

⁵ Холмгард в переводе означает «город на острове», что не соответствует конкретной ландшафтной ситуации Новгорода. В. Н. Янин и М. Х. Алешковский высказали предположение, что Холмград — не иноязычное название, а древнейшее самоназвание Новгорода, вернее, его Славенского конца (Славно), который в русских летописях носит название Холм и по отношению к которому Новгород собственно и стал называться «Новым» городом. См.: 300, с. 41.

⁶ «Братья» Рюрика появились в сказании о призвании варягов в результате недоразумения, происшедшего при переводе скандинавской легенды, — считает В. Косточкин: «Синсус (Sine hus) по-варяжски означает «свой род», а Трувор (thru varing) — «верная дружина»» (119, с. 119).

⁷ Известный археолог-славист З. Я. Ходаковский в 1820—1821 гг. исследовал знаменитый курган в д. Волоотово близ Новгорода, насыпанный, по преданию, над могилкой легендарного старейшины Гостомысла. В конце XIX — начале XX в. археологические раскопки погребальных памятников Новгородской земли были проведены А. А. Спицыным, В. Н. Глазовым, Н. К. Рерихом, В. Н. Крейтоном, А. И. Колмогоровым и другими видными учеными. Подобные исследования были продолжены в 1927—1931 гг.

⁸ Противоречия в Воскресенской летописи не ускользнули от внимания историков. Современный исследователь А. Л. Шапиро, указывая на них, отмечает, что версия о приглашении варягов по совету Гостомысла, по всей вероятности, появилась еще до составления Воскресенской летописи, так как о ней пишет известный путешественник барон С. Герберштейн в своих «Записках о московских делах», посетивший Россию в качестве посла немецкого императора в 1517 и 1526 гг. (А. Л. Шапиро. «Историография с древнейших времен по XVIII век». Л., 1982, с. 96).

Добавим, что в Новгородско-Софийском летописном своде 1448 года (в первоначальном виде не сохранился) основание Новгорода также приписывается Гостомыслу.

⁹ Видный советский историк И. М. Троицкий, относя летописный рассказ о призвании варягов к XI веку, считал, что в это время новгородцы считали свой город «матерью городов русских», с исконным правом на самостоятельность (266, с. 277).

¹⁰ Академик М. Н. Тихомиров разделяет точку зрения С. Геденова. Он отмечает, что составители указателей к изданиям новгородских летописей ошибочно отождествляют «щетинищев» с жителями Щитной улицы, хотя в таком случае в летописях вместо «шетинищев», были бы упомянуты «щитники». К тому же на Щитной улице в Новгороде находился храм во имя святого Андрея, а не Троицкий храм: «Нет никаких оснований отрицать возможность торговли Новгорода со славянским Щетином, крупным городом на балтийском Поморье» (М. Н. Тихомиров. О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси. — «Вопросы истории», 1945, № 1, с. 24—25).

В защиту тезиса о балтийско-славянской колонизации Новгородской Руси приводит ряд серьезных лингвистических аргументов Н. М. Петровский (распространенность в Новгороде западнославянских имен типа Ян, Матей, Варфоломей и т. п., Микла вместо Николай; переход «о» в «во»; обилие имен на -ята, -ата типа Вышата, Петрята и др.). См.: О новгородских словенах. — «ИОРЯС», т. XXV, Пг., 1922; см. также: В. Б. Вилинбахов. Балтийские славяне и Русь. — «Slavia occidentalis», т. 22, 1962, с. 253—276.

¹¹ Сказание о братьях Лехе, Русе и Чехе, как прародителях трех славянских народов, записано в «Хронике Польши» (1250) епископа Познаньского Богухвала († 1253): «Ex his itaque Pannonii tres fratres, filii Pan, principis Pannoniorum, nati fuere: quorum primogenitus Lech, alter Rus, tertius Czech nomina habuerunt» («Итак, в той Паннии [провинция Римской империи на берегах Дуная; впоследствии в составе Австро-Венгрии; считается колыбелью всех славянских народов] у Пана, князя паннонского, родились три сына, из которых первенец назывался Лех, второй — Рус, а третий — Чех. Эти три брата, когда умножился их род и народ, положили начало трем королевствам: Лешскому, Русскому и Чешскому») (цит. по: 55 и 187; см.: Bogurhali Chronicon Poloniae — «Monumenta Poloniae Historica», t. I—III, Lwow, 1864—1878, — т. II, p. 467—600).

Густинская летопись упоминает о Руссе, сыне Лехове. См.: Прибавление к Ипатьевской летописи. — ПСРЛ, т. II, М., 1962.

¹² Византийский историк Симеон Магистр Логофет (X в.) в своей «Хронике»

оставил нам весьма интересное свидетельство о происхождении имени Рюг: «Руссы, они же и Дромиты, прозвались своим именем от некоего храброго *Роса*, после того, как им удалось спастись от ига народа, овладевшего ими и угнетавшего их. По воле или предопределению богов» (цит. по: 55, с. 479).

¹³ О. Бодянский высказал предположение о том, что имя «Рюрик» происходит от слова «Рорык», обозначающего у чехов, поляков и босняков вид синь-голубого сокола («О народной поэзии славянских племен». М., 1837, с. 141). Шведский археолог Т. Арне, исследуя подвески с т. н. «знаком Рюрика», пришел к выводу, что на них изображена «птица с распушенными крыльями». С. С. Ширинский поддержал предположение, что в основу родового знака Рюрика легло изображение тотема-птицы.

Имя «Рюрик», в его основной форме «Рерик» — «*ReRich*», встречается в числе имен древнечешских родов, заседавших на сеймах в Богемии. В современном польском языке слово «*ragos*» обозначает «сарыча» и имеет переносное значение — «чудо», «диво». См.: В. Б. Вилинбахов. Волх и Рюрик — патронимы Новгородских преданий и легенд. — «Русский фольклор...», т. XIII, Л., 1972, с. 213—217.

¹⁴ Профессор В. О. Ключевский в конце прошлого века писал, подводя итоги изучению варяжского вопроса: «Теперь, когда состав начальной летописи [вошедшей в «Повесть временных лет»] достаточно изучен, видно, что сказание о призвании князей не народное предание, а только составленная по народному преданию ученая теория русского книжника начала XII века» (113, с. 120).

¹⁵ Современный французский ученый Э.-М. Ариньон предлагает новое исследование, основанное на повторной интерпретации исторических источников X века, и приходит к выводу, что крещение святой равноапостольной великой княгини Ольги имело место не в Константинополе, а, по всей вероятности, в Киеве, в конце 959 года.

Э.-М. Ариньон считает безусловно достоверным присутствие русского посольства в 959 году во Франкфурте-на-Майне (отправленного княгиней Ольгой), при дворе короля Германии Оттона I (стал императором 2 февраля 962 г.).

См.: Ариньон Э.-М. Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги. — «Византийский временник», 1980, т. 41, с. 113—124.

¹⁶ В 1899 г. Н. К. Рерих, проводивший археологические раскопки в Новгородской губернии, обратил внимание на то, что в южном Прильменье отсутствуют могильные курганы (пережиток язычества), при наличии жальничков (каменных могил). На основании этого Рерих сделал вывод: «На северной возвышенности Старорусского овода погребения типа сопок сразу сменились жальничными погребениями, без переходных типов невьсыских насыпей, быть может, вследствие раннего распространения в этой местности христианства» («ЗОРСА», 1903, т. 5, вып. 1, с. 352; цит. по: 175, с. 65).

¹⁷ Ярославова грамота 1016 г., дарованная Новгороду, не дошла до нас, так как в 1423 году при составлении в Москве общерусского летописного свода, «по политическим соображениям великокняжеской власти, стремившейся к подавлению новгородской самостоятельности», она была заменена в летописи текстом краткой редакции Русской Правды. См.: А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 507—508; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1. М.—Л., 1948, с. 240.

¹⁸ В. П. Нерозник высказывает гипотезу о более раннем упоминании Новгорода у готского историка VI века Иордана: «*Scлавени a civitate Novietunense et loco qui appellatur Mursiano usque ad Danastrum et in boream Viscla...*» («Склавены живут от города Новнетуна и озера, именуемого Мурсианским до Данастра, а на север — до Вискля...»). Исследователь считает эту гипотезу вполне вероятной, на основании сходства сюжетов обоих рассказов о расселении славянских племен, соответствия «*Scлавени*» у Иордана «словам» в «Повести временных лет» и того факта, что «*Novietunum*» у Иордана является точным кельтским переводом древнерусского Новгород (*tunum* — город).

См.: В. П. Нерозник. Названия древнерусских городов. М., 1983, с. 120—124.

¹⁹ После возвращения в Новгород Добрыня Ядрейкович принял монашеский постриг с именем Антоний в Варлаамо-Хутынский монастырь. Впоследствии он трижды занимал новгородскую кафедру архиепископа (1210—1220, 1226—1228, 1229). В «Финне паломник», сохранившейся в рукописи XV в., Владыкой Антонием описан Константинополь и его святыни в начале XIII века, незадолго до захвата города крестоносцами.

²⁰ В начале XIX в. А. Х. Лерберг одним из первых русских историков обратился к изучению внешнеполитических связей Новгорода, в частности, к истории его взаимоотношений с финнами и шведами; при этом Лерберг использовал не только русские, но и иностранные источники (скандинавские и немецкие). См. 134.

На наличие русских поселений в Прибалтике указывает, в частности, «Повесть

о Николe Зараском» [Зарайском] (XIII в.), посвященная перенесению чудотворной иконы святителя Николая Мирликийского в г. Зарайск через Ригу и Кесь [ныне г. Цесис]. См.: 182, с. 176—183.

²¹ Новгородское кораблестроение было достаточно хорошо развито, стояло на уровне европейской техники кораблестроения (см.: Н. П. Загоскин. «Русские водные пути и судовое дело в допетровской Руси». Казань, 1910, с. 387—388).

Новгородские лощманы были объединены в три артели: одна — лощманов, проводивших суда по Неве, другая — по Ладожскому озеру, третья — по Волхову. См.: 6, с. 26.

²² Археологические раскопки 1968—1970 гг. вскрыли остатки Готского двора, который находился близ Торга, на правом берегу Волхова, к югу от Ярославова дворца, рядом с храмами во имя Архангела Михаила и в честь Благовещения; на этом месте теперь построена гостиница «Россия». См.: 223.

²³ Берестяная грамота на латинском языке (№ 488), найденная в 1970 году на месте Готского двора, содержит начало 94 псалма: «Приидите, возрадуемся Господу, воскликнем Богу, Спасителю нашему, предстанем Лицу Его во исповедании и во псалмах воскликнем Ему...» («Venite, exultem us Domino, iubilemus Deos alutari nostro, praecosepumus faciem eius in confessione et in psalmis iubilemus etc.») Д. А. Дрбголав датирует эту грамоту концом XIV — началом XV в. (см.: 72).

²⁴ В 1857 г. были изданы грамоты, обнаруженные К. Э. Напиерским в архиве г. Риги, о торговых сношениях Новгорода с Ригой и ганзейскими городами в XII—XIV вв. (см. 63), в их числе договоры новгородского князя Ярослава Владимировича (около 1195 г.) и великого князя святого Александра Невского (1257—1259 гг.) с немцами. Акад. И. И. Срезневский дал научный анализ и весьма высокую оценку значению изданных договоров — древнейших дипломатических актов на Руси после договоров киевских князей с Византией в X веке (см. 263, с. 154).

Э. Боннель в 1862 г. издал специальную работу (см. 31) о русско-ливонско-ганзейских взаимоотношениях с середины IX в. до 1410 г., в которой приведены обильные извлечения из разных источников с соответствующим комментарием.

Почти все договорные грамоты Новгорода с Ганзой опубликованы. См.: 62.

²⁵ В «Повести о посаднике Добрыне» (вторая половина XV в.) изложена позднейшая легенда, согласно которой новгородский посадник Добрыня (историческое лицо, † 1117), за соответствующую мзду содействовавший немецким купцам в строительстве католического храма в Новгороде (на месте православного храма во имя св. Иоанна Предтечи, который был с этой целью перенесен), навлек на себя гнев св. Иоанна Предтечи и утонул в Волхове (184, с. 188—191).

²⁶ В. Н. Татишев сообщает в своей «Истории Российской» (т. 3, с. 220—221) о заключении новгородцами с послами Любека договора в 1226 году, по условиям которого ганзейские купцы получили право бесполойной торговли, хотя им было отозвано в праве строить свои собственные храмы в Новгороде. Такой договор, — отмечает Н. А. Казакова, — в истории новгородско-немецких торговых отношений неизвестен; «и здесь перед исследователем встает загадка источников Татищева и степени достоверности его известий» (175, с. 147).

²⁷ Акад. Ф. Круг в статье «О договоре князя Ярослава Ярославича и Новгорода с немецким, готландским и итальянским купечеством в 1269 году» (см. 126, на нем. яз.) разъяснил неясные места договорной грамоты, которая, как выяснилось позднее, представляла проект договора, составленный новгородцами (175, с. 150) (другой исследователь, И. Е. Андреевский, датирует эту грамоту 1270 годом. См.: 13).

²⁸ Н. А. Казакова в обзорной статье «Внешняя политика Новгорода в русской и советской историографии» (175, с. 146—164), говоря о работе А. И. Никитского «История экономического быта Великого Новгорода (М., 1893)», отмечает: «Большой заслугой Никитского является то, что он первым обратил внимание на меры, к которым прибегали новгородцы для ограничения деятельности ганзейцев в своих владениях...» (175, с. 154).

²⁹ Е. А. Рыбина выделяет следующие четыре периода в развитии новгородско-немецких торговых отношений: 1-й) С конца XII до конца XIII века, характеризующийся преобладанием отношений с Висби (главный город на острове Готланд). 2-й) С конца XIII до середины XIV века, когда наряду с Висби большое значение приобрел его партнер и соперник г. Любек. 3-й) Со второй половины XIV до середины XV века, когда Висби и Любек постепенно оттесняют на второй план лифляндские города: Ригу, Дерпт и Ревель. 4-й) С середины и до конца XV века, вплоть до закрытия гостиного двора немецких купцов в 1494 году; этот период характеризуется полным господством в торговле с Новгородом лифляндских городов (225, с. 128—129).

³⁰ В. В. Мавродин отмечает, что, несмотря на господство ливонских рыцарей в

Прибалтике, связи Новгорода с Прибалтикой не были прерваны и в XIII—XV вв.: «В Линданисе, древнем городе на месте Ревеля, где издавна жили русские ремесленники и купцы, даже во времена владычества в Прибалтике Ливонского ордена все еще оставался «Wendeferg» («Русский конец»), а папская булла 1234 г. говорит о том, что русские многочисленны в Ревеле» (146, с. 168).

Русские поселения были не только на территории современной Эстонии (путь в Кольвань [Таллин] был хорошо знаком русским купцам-«колыбанцам»), но и гораздо дальше, на северном побережье Рижского залива. В эстонском Поморье, напротив островов Саарема и Хиума, в Роталийском округе в XIII—XV вв. встречалось много деревень с названиями Венекюля (буквально «русская деревня») (146, с. 168).

³¹ Тяжба эта, однако, впоследствии затянулась, так как некоторые ганзейские города настаивали, чтобы Новгород компенсировал понесенный арестованными немецкими купцами моральный и материальный ущерб и чтобы новгородцы сами приняли на себя риск встречи с пиратами во время морских плаваний.

³² Н. А. Казакова выяснила, что во второй половине XIV в. возникли торговые связи Новгорода и Голландии (Нидерландов), которые вызвали сопротивление Ганзейского союза, принявшего в 1417 и 1426 гг. на своих съездах в Ростке и Любеке постановление о запрете подобной торговли через ганзейские города и, в частности, через Ливонию. Несмотря на эти запреты, голландские купцы ухитрились все-таки время от времени торговать с Новгородом, выбирая обходные пути, идущие не через ливонские порты, а через Швецию. Голландские купцы, останавливавшиеся в Новгороде, «находились в полной безопасности и спокойно торговали под защитой русских властей» (89, с. 88).

³³ В XII в. в Новгороде увеличивается число концов: к 1169 г. формируется Плотнишкин конец.

В последней трети XIII в. в качестве особой административной единицы возникает Загородский конец.

³⁴ П. Э. Клейнберг доказывает, что порядок избрания на вече заключался в снятии с престола жребней, на каждом из которых было написано имя одного из претендентов; избранным считался тот, чей жребий оставался на престоле (109, с. 171—172). Точно такой же порядок применялся, но только после XIV века, при избрании новгородских архиепископов (см. 165, с. 57).

³⁵ Акад. С. Ф. Платонов считает заслугой А. И. Никитского выяснение состава Совета господ и значения его деятельности; он называет Никитского «творцом научной истории Новгорода» (190, с. 2).

³⁶ В повести В. К. Кюхельбекера «Або» рассказывается о дружественных отношениях новгородцев с эстонцами в XIII веке и о совместной победе над немецкими рыцарями под Ригой. Герой повести эстонец Нор (во святом крещении Юрий) любит бродить по улицам Новгорода, «дивясь его великолепию, многолюдству и кипящей повсюду деятельностью» (131).

³⁷ В конце XIII — начале XIV вв. Швеция вновь попыталась захватить новгородские земли, построив крепости в Выборге (1293), Кексгольме (1295) и Ландскроне (1301); но они вскоре же были взяты и разрушены (срыты) новгородцами. Великий князь Юрий Данилович возвел в устье Невы крепость Ореховец (будущий Шлиссельбург, ныне Петрокрепость) и вынудил Швецию в 1323 году заключить длительный мир, закрепивший за Новгородом Неву и воспретивший Швеции строить крепости у русской границы. В 1348 году Новгородская рать одержала победу над шведским королем Магнусом под Ореховцем; был вновь заключен мирный договор, надолго утихомиривший северного соседа русских (139, с. 40; 204, с. 114—117). «Ореховский договор [тексты изданы, см. 18] положил предел шведской экспансии в Новгородской земле. Сила, мужество и упорство новгородцев не позволили шведским феодалам завосвать северо-западные владения Новгорода и развить агрессию в южном и юго-восточном направлениях. Позднее шведы неоднократно нарушали «вечный мир» (например, в 1348 и 1411 гг.), но терпели поражения. Больше ни пады чужой земли им захватить не удалось — новгородско-шведская граница осталась нерушимой» (12, с. 117).

³⁸ Грюнвальдская битва 15 июля 1410 г. близ селений Грюнвальд и Танненберг (Восточная Пруссия) между объединенными силами литовцев, поляков, русских, чехов и армией немецких рыцарей Тевтонского ордена окончилась полным разгромом рыцарей. Победа в Грюнвальдской битве — яркий исторический пример боевого содружества славянских и прибалтийских народов.

³⁹ Сведения об этом сохранились в документах по истории европейского Севера, которые хранятся в архивах старинных исландских монастырей. И. П. Шаскольский

использует текст договора в переводе со старонорвежского языка Е. Рыдзевской. См.: 284, с. 113.

⁴⁰ Славные образы благоверных великих князей святого Александра Невского и Дмитрия Донского в годы Великой Отечественной войны вдохновляли на ратный подвиг советских людей. В 1944 г. на дороге у освобожденного Новгорода была поставлена увеличенная копия с триптиха П. Д. Корина «Александр Невский»; проходившие на запад части советских воинов читали на высоком щите пророческие слова князя: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет» (12, с. 5).

⁴¹ Эта фактическая ошибка невольно свидетельствует о фольклорном протографе «Повести...», так как в то время архиепископом Новгорода был Алексий (1360—1388), а не Евфимий; по имя святителя Евфимия II (1429—1458) в наибольшей степени ассоциировалось с представителем о славе и могуществе Новгорода, оно было широко известно и популярно в среде простого народа в XV веке (см. 164). Если бы автором повести был образованный книжник, он не допустил бы столь вопиющей ошибки. Вместе с тем, справедливо поясняет С. Н. Азбелев, «такому книжнику вполне могла принадлежать чисто внешняя литературная обработка бытовавшего в Новгороде устного героического сказания, привычное доверие к которому исключало мысль о необходимости его критической проверки» (2, с. 81).

⁴² По мнению К. П. Флоренского († 1982), «при определении места Куликовской битвы на правом (как это принято считать сегодня) берегу р. Непрядвы возникают очевидные несовпадения и противоречия с текстом «Сказания о Мамаевом побоище». Они исчезают, если битву и ее ход рассматривать применительно к левому берегу реки» («Природа», 1983, № 11, с. 65).

⁴³ «Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому» не вошло в «Синописис» — первую печатную книгу по русской истории (конец XVII в.), где использована одна из позднейших редакций Повести о Мамаевом побоище, в которой упоминания о новгородцах исключены. В результате, «Сказание...» разделило участь многих устных преданий: было вытеснено печатной продукцией, предлагавшей неполное, адаптированное изложение событий (см. 2, с. 102).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Азбелев С. Н. Новгородские былины и летопись.— В кн.: «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. VII, М.—Л., 1962, с. 43—51.
2. Азбелев С. Н. Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому.— В кн.: «Русский фольклор...», т. XIII, Л., 1972, с. 77—102.
3. Айвазян К. В. Культ Григория Арменского, «арменская вера» и «арменская ересь» в Новгороде (XIII—XVI вв.).— В сб. статей: «Русская и армянская средневековые литературы», Л., 1982, с. 255—332.
4. Акты Археографической Экспедиции. Тт. I—IV. СПб., 1836—1838.
5. Акты Исторические, собранные и изданные Археографической Комиссией. Тт. I—V. СПб., 1841—1843.
6. Александровский Б. Н. Народное правление в Древней Руси (Новгород Великий в XII—XIII вв.). М., 1906.
7. Алексеев М. П. К вопросу об англо-русских отношениях при Ярославе Мудром.— Научный бюллетень ЛГУ, № 4, с. 31—33.
8. Алпатов М. В. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973.
9. Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV вв.— «Советская археология», 1974, № 3, с. 100—111.
10. Аристов Н. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866.
11. Андерссон И. История Швеции. М., 1951.
12. Андреев В. Ф. Северный страж Руси. Очерки истории средневекового Новгорода. Л., 1983.
13. Андреевский И. Е. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 году. СПб., 1855.
14. Андреевский И. Е. О правах иностранцев в России до вступления Ивана III Васильевича на престол Великого княжества Московского. СПб., 1854.
15. Арциховский А. В. Новые открытия в Новгороде.— В сб. «10-й Конгресс историков в Риме». Вып. IX, изд. АН СССР, 1955, с. 171—188.
16. Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода.— «Труды Новгородской археологической экспедиции», Т. 1. М., 1956, с. 7—43.
17. Байер Готтлиб-Зигфрид. Сочинение о варягах автора Феофила Сигефра Беэра... Пер. с лат. К. Кондратович. СПб., 1747.

18. *Бутков П.* Три древних договора руссов с норвежцами и шведами.— «Журнал Министерства внутренних дел», СПб., 1837, ч. 23.
19. *Baumgarten N.* Genealogies et mariages occidentaux des Rurekides russes. Rom, 1927.
20. *Беляев Иван.* История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. М., 1866.
21. *Бенешевич В. Н.* Из истории персводной литературы в Новгороде конца XV столетия.— «Сб трудов Отд. русск. яз. АН СССР», вып. 101, 1928.
22. *Бережков М.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб., 1879.
23. *Бернадский В. Н.* Господин Великий Новгород. М.—Л., 1936.
24. *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961.
25. *Бернштейн-Коган С. В.* Путь из варяг в греки.— «Вопросы географии», сб. 20, М., 1950.
26. *Бестужев-Марлинский А. А.* (1797—1837). Роман и Ольга [Новгородская повесть].— Сочинения в 2-х томах. Т. 1, М., 1958.
27. *Богусевич В. А.* Военно-оборонительные сооружения Новгорода, Старой Ладogi, Порхова и Копорья. Новгород, 1940.
28. *Евгений* [последствия митрополит Киевский] Болховитинов. Исторические разговоры о древности Великого Новгорода. М., 1808.
29. *Бочкарев В. Н.* Борьба русского народа с немецкими и шведскими агрессорами в XIV—XV вв.— «Ученые записки Московского гос. педагогического института им. Ленина». М., 1946, т. 35, вып. 2, с. 5—24.
30. *Braun M.* Der Aufstieg Russlands vom Vikingerstaat zur europäischen Grossmacht. Leipzig, 1940.
31. *Bonnel E.* Russisch-liwländische Chronographie von der Mitte des neunten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410. Spb., 1862.
32. *Буров В. А.* Печати при Новгородском наказе 1372 г. как исторический источник по изучению кончанской эмблематики.— «Советская археология», 1977, № 1, с. 104—113.
33. *Буров В. А.* Заметка о новгородских берестяных грамотах.— «Советская археология», 1979, № 1, с. 218—227.
34. *Буслаев Ф. И.* Новгород и Москва.— В кн.: «Исторические очерки русской народной словесности и искусства», т. II. СПб., 1861, с. 269—280.
35. *Брюсова В. Г.* Русско-византийские отношения середины XI века. «Вопросы истории», 1972, № 3, с. 51—62.
36. *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960.
37. *Вайнштейн О. Л.* Роль и значение нашей Родины в истории Западной Европы в средние века.— «Вестник Ленинградского университета», 1950, № 5, с. 61—70.
38. *Winkler A.* Die deutsche Hansa in Russland. Berlin, 1886.
39. Василий Буслаевич и новгородцы. [Новгородская былина].— В кн.: «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». Изд. 2. М., 1909—1910, т. 2, № 169.
40. *Васильев А. А.* Курс истории средних веков. Средневековая культура. М., 1917.
41. *Васильевский В. Г.* О варяго-руссах. (Ответ Д. И. Иловайскому).— «Древняя и новая Россия», 1875, т. 3.
42. *Веневиных Д. В.* (1805—1827). Новгород.— «Стихотворения. Поэмы. Драммы». М., 1976, с. 72—73.
43. *Игумен Макарий* (Веретенников). Берестяные грамоты как источник русской церковной истории.— «Богословские труды», сб. 24, М., 1983, с. 307—319.
44. *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. Ч. 1, Прага, 1927.
45. *Вертоградов И. Ф.* О содействии духовенства московским князьям в деле собрания Северо-Восточной Руси. Екатеринослав, 1903.
46. Византийское и древнерусское искусство. Статьи и материалы. М., 1978.
47. *Вихров.* Новгородские святые места. Новгород. 1860.
48. Военно-исторический календарь и месяцеслов. Важнейшие военные и преобразовательные события Русской истории. СПб., 1898.
49. *Вознесенский С. В.* Русская литература о славянстве. Пг., 1915.
50. *Воронин Н. Н.* Древнерусские города. М.—Л., 1945.
51. *Воронин Н. Н., Кузьмин А. Г.* Духовная культура древней Руси.— «Вопросы истории», 1972, № 9, с. 111—132.
52. *Воронов А. Д.* О латинских проповедниках на Руси Киевской в X—XI вв.— «Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца (1873—1877)». Киев, 1879, кн. 1, с. 1—21.

53. *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.
54. *Гедевский А. В.* Историческая справка о монастырях Новгородских.— «Труды Новгородского церковно-археологического общества». Т. 1. Новгород, 1914.
55. *Гедеонов С.* Варяги и Русь. Историческое исследование. Ч. 1—2. СПб., 1876.
56. *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. М.—Л., 1938.
57. *Гиппинг А. И.* Нева и Ниеншанц, ч. 1, СПб., 1909 (впервые опубли. в 1836 г. на швед. яз.).
58. *Hermann E.* Beiträge zur Geschichte des Russischen Reiches über die Verbindung Nowgorods mit Wisby und der Deutschen mit den Russen. Leipzig, 1843.
59. *Гильфердинг А.* История балтийских славян. СПб., 1874.
60. *Гневушев А. М.* Господин Великий Новгород (X—XIV вв.).— В кн.: «Русская история в очерках и статьях». Т. 1. М., 1912.
61. *Goetz L.* Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922.
62. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Сост. С. Н. Валк, М.—Л., 1949.
63. Грамоты, касающиеся до сношений северо-западной России с Рнгою и Ганзейскими городами в XII, XIII, XIV вв. СПб., 1857.
64. *Греков Б. Д.* Новгородский Дом Святой Софии. (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины).— «Записки Историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета». Ч. 120. СПб., 1914.
65. *Греков Б. Д.* Новгород и Русь.— «Вестник АН СССР», 1942, № 4.
66. *Греков Б. Д.* Киевская Русь, тт. I—II. М., 1955.
67. *Греков Б. Д.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975.
68. *Грихин В. А.* Древнерусские княжеские жития. [XI—XII вв.] — «Русская речь», 1980, № 2, с. 106—110.
69. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. СПб., 1871.
70. *Делекторский Ф. И.* Флорентийская Уния и вопрос о соединении Церквей в Древней Руси.— «Странник», СПб., 1890, т. 3.
71. *Donnert E.* Das Moskauer Russland. Kultur und Leistesleben im 15. und 16. Jahrhundert. Leipzig, 1976.
72. *Дрбоглав Д. А.* Латинская берестяная грамота из новгородских раскопок (конец XIV — начало XV в.) — «Советская археология», 1973, № 3, с. 108—116.
73. *Дулов А. В.* Человек и природа на Руси в XIV—XVII вв. (О роли географической среды в истории общества).— «Природа», 1976, № 12, с. 90—105.
74. *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Изд. 3, СПб., 1910.
75. *Есенин С. А.* Марфа Посадница. Поэма.— Собрание сочинений. Т. 1. М., 1966, с. 310—314.
76. *Жуковский В. А.* (1783—1852). Вадим Новгородский. [Неоконченная повесть.] — «Вестник Европы», 1803, №№ 23—24.
77. *Здравомыслов К. Я.* Иерархи Новгородской епархии от древних времен до настоящего времени. Краткие биографические очерки. Новгород, 1897.
78. *Зорин И. Е.* О теории общественного договора в древнерусской философии.— «Философские науки», Казань, 1974, вып. 5, с. 3—6.
79. *Зугис Я. Я.* Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв.— «Историк-марксист», 1940, кн. 3.
80. *Иванов Валентин.* Изгнание норманнов из Новгорода; Князь Рюрик.— В кн.: *В. Иванов.* Повести древних лет. Хроника IX века, в четырех книгах, одиннадцати частях. М., 1955, с. 451, 463—464, 497.
81. *Иконников В. С.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869.
82. *Иловайский Д. И.* Разыскания о начале Руси. М., 1876.
83. Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Сб. статей.— «Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР», вып. 2. Л., 1970.
84. История средних веков (V—XV века). Хрестоматия, ч. 1. Составители: В. Е. Степанова, А. Я. Шевеленко. Изд. 2. М., 1980.
85. История Киева. Т. 1. Древний и средневековый Киев. Киев, 1982.
86. История Латвийской ССР, т. 1, Рига, 1952.
87. История Литовской ССР, т. 1, Вильнюс, 1955.
88. История Эстонской ССР, под ред. акад. Г. И. Наана. 2 изд. Таллин, 1956.
89. *Казакова Н. А.* Ранние русско-нидерландские торговые контакты.— В кн.:

- «Исследования по социально-политической истории России». Сб. статей. Л., 1971, с. 81—88.
90. *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. Из истории международных культурных связей России. Л., 1980.
91. *Казакова Н. А.* Дания и Новгород в 20-х годах XV века.— «Скандинавский сборник». Вып. XVII. Таллин, 1972.
92. *Казакова Н. А.* Начальный текст новгородско-немецких договоров XII—XV вв.— «Вспомогательные исторические дисциплины» (Ленинград. отделение Археограф. комисс. АН СССР), 1974, сб. 6, с. 161—175.
93. *Казакова Н. А.* Русско-ганзейские и русско-ливонские отношения конца XIV—начала XVI вв. Л., 1975.
94. *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Изд. 2. Сергиев Посад, 1914.
95. *Караев Г. Н.* О маршруте водного пути «из варяг в греки» на участке оз. Ильмень — р. Зап. Двина.— «Известия Всесоюзного географического общества», 1975, т. 107, вып. 2, с. 154—159.
96. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. I (тт. 1—4); кн. II (тт. 5—9). СПб., 1842.
97. *Карамзин Н. М.* Марфа Посадница, или покорение Новгорода. Историческая повесть.— В книге: «Хрестоматия по русской литературе XVIII в.» Сост. А. В. Кокорев. М., 1952.
98. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. I, Париж, 1959, с. 263—266.
99. *Каргалов В. В.* Конец Ордынского ига. М., 1980.
100. *Каргер М. К.* Новгородское зодчество.— В кн.: «История русского искусства». Т. 2, М., 1954, с. 16—71.
101. *Каргер М. К.* Новгород. Л., 1980.
102. *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. Пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1911.
103. *Киревский И. В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России.— В кн.: *И. В. Киревский.* Критика и эстетика. М., 1979, с. 248—293.
104. *Кириллов И.* Москва — Третий Рим. Очерк исторического развития идеи русского мессианизма. М., 1914.
105. *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976.
106. *Китлов А. А.* Русь в исландских сагах.— «Русская речь», 1971, № 2, с. 97—103.
107. *Клейнберг И. Э.* Военно-морские действия новгородцев при отражении орденской агрессии 1443—1448 гг.— «История СССР», 1958, № 4.
108. *Клейнберг И. Э.* Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1262—1263 гг. (по данным отчета послов немецкого купечества 1292 г.).— «Вспомогательные исторические дисциплины», 1976, сб. 7, с. 118—126.
109. *Клейнберг И. Э.* Известия о новгородском вече первой четверти XV века в ганзейских источниках.— «История СССР», 1978, № 6, с. 170—176.
110. *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв. М., 1960.
111. *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918.
112. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 2. М., 1906, с. 63—128.
113. *Ключевский В. О.* Наброски по варяжскому вопросу — В кн.: *В. О. Ключевский.* Неопубликованные произведения. М., 1983 с. 113—123.
114. *Княжнин Я. Б.* (1742—1791). Вадим Новгородский. Трагедия.— В кн.: «Хрестоматия русской литературы XVIII в.» Сост. А. В. Кокорев. М., 1952.
115. *Колотилова С. И.* К вопросу о положении Пскова в составе Новгородской феодальной республики.— «История СССР», 1975, № 2, с. 145—152.
116. *Коновалов А. А.* Географические названия в берестяных грамотах.— «Советская археология», 1967, № 1, с. 84—98.
117. *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада, т. I, СПб., 1863.
118. *Костомаров Н. И.* О значении Великого Новгорода в русской истории.— «Собрание сочинений». Кн. 1-я, т. I. СПб., 1903, с. 199—214.
119. *Косточкин В.* Тропой легендарного Трувора. М., 1971.
120. *Священник Гавриил Краснянский.* Краткий очерк Новгородского Софийского собора и перечень святыни и древностей онаго. Новгород, 1875.
121. *Красов И.* О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851.
122. Краткое историческое описание святыни Новгородской. СПб., 1850.
123. *Куза А. В.* Социально-историческая типология древнерусских городов X—

- XIII вв.— В кн.: «Русский город. Исследования и материалы». Сб. статей. Вып. 6. М., изд. МГУ, 1983, с. 4—36.
124. Кузаков В. К. Естественнаучные представления на Руси (X—XV вв.)— «Вопросы истории», 1974, № 1.
125. Кузьмин А. Г. Начало новгородского летописания.— «Вопросы истории», 1977, № 1, с. 59—77.
126. Krug Ph. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands, t. II, Spb., 1848, s. 619—638.
127. Куприянов. Крестные ходы и местные праздники и церковные обряды древнего Новгорода. Новгород, 1859.
128. Кучкин В. А. Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в.— В кн.: «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967.
129. Кучкин В. А. «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60—70-х годов XI века.— «Советское славяноведение», 1971, № 2, с. 21—34.
130. Кушнир И. И. Новгород. Л., 1972.
131. Кюхельбекер В. К. (1797—1846). Або. [Повесть о дружественных отношениях эстонцев и новгородцев в XIII веке].— «Мнемозина», 1824, ч. 1.
132. Лазарев В. Н. Искусство Новгорода. М., 1947.
133. [Гильбер де Ланнуа]. Voyages et ambassade de Guillebert de Lennoy. Mons, 1840. [О посещении Новгорода в 1413 г. фламандским рыцарем Г. де Ланнуа.]
134. Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819.
135. Лесников М. П. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV — начале XV в.— «Исторические записки», 1952, № 39, с. 259—278.
136. Летописи и хроники: Сборник статей. 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981.
137. Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV века.— «Университетские известия», Киев, 1884, № 2, с. 31—50.
138. Литаврин Г. Г. Русь и Византия в XII веке.— «Вопросы истории», 1972, № 7, с. 36—52.
139. Лихачев Д. С. Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., 1959.
140. Ловмянский Г. Руссы и руги. (К вопросу о происхождении древней Руси).— «Вопросы истории», 1971, № 9, с. 43—52.
141. Лаппо-Данилевский А. С. Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его областях. СПб., 1895.
142. Лурье Я. С. К истории присоединения Новгорода в 1477—1479 гг.— В кн.: «Исследования по социально-политической истории России». Сб. статей, Л., 1971, с. 89—95.
143. Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи.— «Труды Отдела древнерусской литературы», т. 32, с. 199—218.
144. Любименко И. Г. Сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 г.— «Записки Академии наук», 1932, № 10 (Имеется отд. изд. на франц. яз., Париж, 1933).
145. Протоиерей Стефан Ляшевский. История христианства в земле Русской с I века по XI век и Очерки по Преемории России. Балтимора, 1968.
146. Мауродин В. В. Русское мореходство на Балтийском море в XIII—XVI вв.— «Ученые записки Ленинградского гос. университета», серия историч. наук. Вып. 24, 1956, с. 167—178.
147. Макаев Э. А. Руническая надпись из Новгорода.— «Советская археология», 1962, № 3.
148. Архимандрит Макарий (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Тт. 1—2. М., 1860.
149. Мамин-Сибиряк Д. Н. (1852—1912). Славен город Великий Новгород. Из русской старины.— «Юная Россия», 1908, № 11, с. 151—163.
150. Мансикка В. И. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст.— «Памятники древней письменности и искусства», т. CLXXX, 1913, ч. 2.
151. Медведев А. Ф. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде.— «Материалы и исследования по археологии СССР», № 117, М., 1963.
152. Мей Л. А. (1822—1862). Вечевой колокол. Стихотворение.— «Полное собрание сочинений Л. А. Мей», т. I, 1911.
153. Мельникова Е. А. Древняя Русь на страницах ежегодника «Скандо-славика» [Копенгаген].— «История СССР», 1974, № 3, с. 206—212.

154. Мельникова Е. А. Сведения о Древней Руси в двух скандинавских рунических надписях.— «История СССР», 1974, № 6, с. 170—178.
155. Мельникова Е. А. История Древней Руси на страницах норвежских периодических изданий (60—70-е годы).— «История СССР», 1976, № 5, с. 213—218.
156. Молчанов А. А. Новгородские события 1054—1064 гг. и возникновение посадничества нового типа.— «Вестник МГУ». Серия 9. История. 1974, № 6, с. 81—87.
157. Молчанов А. А. О социальной структуре Новгорода начала XI в.— «Вестник МГУ». Серия 9. История, 1976, № 2, с. 92—94.
158. Муравьев А. Н. Сношения России с Востоком, тт. I—II, СПб., 1858—1860.
159. Муравьев М. В. Новгород Великий. Исторический очерк и путеводитель. Л., 1927.
160. Муравьева Л. Л. Духовная культура Северо-Восточной Руси (XIV—первая половина XV в.).— «Вопросы истории», 1973, № 10, с. 111—127.
161. Никитский А. И. История экономического быта Новгорода Великого. М., 1893.
162. Никитский А. И. Военный быт Великого Новгорода.— «ЖМНП», 1869, № 10.
163. Некрасов А. И. Великий Новгород и его художественная жизнь. М., 1924.
164. Никитин В. А. Житие и труды святителя Евфимия, архиепископа Новгородского.— «Богословские труды», сб. 24, М., 1983, с. 260—306.
165. Никитский А. И. Очерк внутренней истории Церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879.
166. Никитский А. И. Отношения новгородского Владыки к немецкому купечеству по новым данным.— «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1883, № 7, с. 1—15.
167. Архимандрит Никодим. Святые Новгородского края и вопрос о церковно-народном их почитании в современной исторической литературе.— «Новгородские епархиальные ведомости», 1903, № 18, с. 1072—1078.
168. Новгород в русской литературе XVIII—XX вв. Сост. А. З. Жаворонков. Новгород, 1959.
169. Новгород. К 1100-летию города. Сб. статей под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1964.
170. Новгородские летописи (I-я, II-я, III-я).— «Полное собрание русских летописей» [ПСРЛ], т. 3, СПб., 1841.
171. Новгородская летопись IV-я.— ПСРЛ, т. 4, СПб., 1848; 2-е изд. Пг., 1915.
172. Софийская I-я летопись.— ПСРЛ, т. 5, СПб., 1851.
173. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888.
174. Новгородская I-я летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.
175. Новгородский исторический сборник. Вып. I (11). Л., 1982.
176. Оборин В. А. О присоединении Перми великой к Русскому государству в XV веке.— «Ученые записки Пермского ун-та», 1976, № 348, с. 3—14.
177. Одовеский А. И. (1802—1839). Иоанн Преподобный (Гробкопатель); Неведомая страница; Зосима. Новгородская святопись.— Полное собрание стихотворений. 2 изд. М., 1958.
178. Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936.
179. Орлов С. Н., Воробьев А. В. Оборонительные укрепления древнего Новгорода. Новгород, 1959.
180. Пассек В. В. Новгород сам в себе.— «Чтения Общества истории и древностей Российских», 1869, кн. 4.
181. Памятники истории Великого Новгорода (В серии: Памятники русской истории). Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909.
182. Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981.
183. Памятники литературы Древней Руси. XIV—середина XV в. М., 1981.
184. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1981.
185. Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. [Сборник документов]. Составитель Г. Е. Кочин. Л.—М., 1935.
186. Пастыри древнерусской Церкви и их участие в политической жизни Отечества в удельный период истории. М., 1911.
187. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
188. Петров В. П. (1736—1799). Александр Невский. Поэма. Новгород, 1859.
189. Пашуто В. Т. Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII веке. М., 1951.
190. Платонов С. Ф. Веч в Великом Новгороде. Новгород, 1916.
191. Платонов С. Ф. Прошлое русского Севера. Пг., 1923.
192. Повесть временных лет. Ч. 1—2. М.—Л., 1950 (в серии «Литературные памят-

ники); ч. 1: Текст и перевод (Д. С. Лихачева и Б. А. Романова); ч. 2: Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева.

193. Повесть о Новгородском белом клобуке.— «Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелевым-Безбородко». Вып. 1, СПб., 1860.

194. *Погодин М. П.* О происхождении Руси. М., 1825.

195. *Погодин М. П.* (1800—1875). Марфа, Посадница Новгородская. Трагедия. М., 1830.

196. *Подвигина Н. Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М., 1976.

197. Священник Георгий *Подгорнов*. История Новгородской епархии от татаро-монгольского нашествия до Синодального периода. Ркп. Загорск, МДА, 1972.

198. *Покровский В. С.* Договор Великого Новгорода с Готландом и немецкими городами 1189—1195 гг. как памятник международного права.— «Известия высших учебных заведений. Правоведение». Л., 1959, № 1, с. 90—100.

199. *Покровский А. А.* Древнее псково-новгородское письменное наследие.— «Труды XV Археологического съезда», т. II, 1916.

200. Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. М., 1974.

201. *Попова О. С.* Искусство Новгорода и Москвы первой половины XIV века. Его связи с Византией. М., 1980.

202. *Поптэ А. В.* К истории романских дверей Софии Новгородской.— В сб. статей «Средневековая Русь», М., 1976, с. 191—200.

203. *Порфиридов Н. Г.* Очерки памятников новгородской сфрагистики.— «Новгородский исторический сборник», вып. 8, 1940.

204. *Порфиридов Н. Г.* Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI—XV вв. М.—Л., 1947.

205. *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л., 1968.

206. *Приселков М. Д.* История русского летописания. XI—XV вв. Л., 1940.

207. *Прохоров Г. М.* Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы.— «ТОДРЛ», 1979, т. 34, с. 3—17.

208. *Прохоров Евгений.* Новгородская епархия в домонгольский период. Ркп. Загорск, МДА, 1960.

209. *Пушкин А. С.* Вадим [Отрывок из неоконченной поэмы].— «Полное собрание сочинений», т. 3, М.—Л., 1936.

210. *Пшеничнов М. Ф.* Исторические очерки. Крещение Руси, присоединение Новгорода и жизнедеятельность преподобного Сергия. Казань, 1894.

211. *Joel Raba, Evfimij II.* Erzbischof von Gros Novgorod und Pskov. Ein Kirchenfürst als Leiter einer weltlichen Republik.— «Jahrbücher für Geschichte Osteuropa», 1977, Bd. 25. H. 2, S. 161—173.

212. *Рабинович М. Г.* Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII—XV вв.— «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. 30. М.—Л., 1949, с. 54—61.

213. *Радищев А. Н.* Новгород.— В кн.: «Путешествие из Петербурга в Москву». Л., 1974, с. 74—82.

214. *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X—XV вв. М.—Л., 1959.

215. *Рапов М.* Новгород боярский и Новгород Великий.— В кн.: *М. Рапов.* «Зори над Русью». Роман. Ярославль, 1958, с. 735—737.

216. *Рапов О. М., Ткаченко Н. Г.* Русские известия Титмара Мерзебургского. [X—XI вв.]— «Вестник МГУ», серия 8, История, 1980, № 3, с. 57—67.

217. *Riesenkampf N. G.* Der Deutsche Hof zu Nowgorod bis zu seiner Schliessung durch Iwan Wassiljewitch III. im Jahre 1494. Dorpat, 1854.

218. *Рогов А. И.* Культурные связи Руси и Польши в XIV — начале XV в.— «Вестник МГУ». Серия 9, История, 1972, № 4, с. 63—71.

219. *Родников В. П.* Духовенство и политические партии в древнем Новгороде.— «Труды Киевской Духовной Академии», 1907, кн. 7 (имеется отдельный оттиск).

220. *Рождественский Вс. А.* Новгородская София; Волховская зима; Господин Великий Новгород.— В кн.: *Вс. А. Рождественский.* Стихотворения. М., 1956, с. 33—34, 192, 197—198.

221. Русская летопись с Воскресенского списка, подаренного в оной Воскресенской монастырь Патриархом Никоном в 1658 году. Ч. 1. СПб., 1793.

222. Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом П. Толстым и Н. Кондаковым. Вып. 6. Памятники Владимира, Новгорода и Пскова. СПб., 1899, с. 97—173.

223. Рыбина Е. А. Раскопки Готского двора в Новгороде.— «Советская археология», 1973, № 3, с. 100—107.
224. Рыбина Е. А. Повесть о новгородском посаднике Добрыне.— В кн.: «Археографический ежегодник за 1977 год». М., 1978.
225. Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли. X—XIV вв. М., 1978.
226. Рыбина Е. А. Шведский двор в Новгороде в XVII в.— В кн.: «Русский город. Исследования и материалы». Сб. статей. Вып. 6. М., изд МГУ, 1983, с. 75—90.
227. Рылеев К. Ф. (1795—1826). Марфа Посадница. Дума.— В кн.: К. Ф. Рылеев. Стихотворения. М., 1956.
228. Рындина А. В. Итальянская камея XIII в. с изображением Богоматери-Одигитрии из Новгорода.— «Советская археология», 1969, № 3, с. 209—216.
229. Рябошапка Ю. Б. Русско-шведские отношения на рубеже XVI—XVII веков.— «Вопросы истории», 1977, № 3, с. 26—39.
230. Савельев П. С. Очерк путешествия в прибалтийские страны, Великий Новгород и Псков, совершенного рыцарем Гильбертом де Ланноа, в 1412—1414 годах.— «Географические известия», 1850, с. 17—35.
231. Садко и морской царь. [Новгородская былина].— В кн.: «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». Изд. 2. М., 1909—1910, т. 2, № 134.
232. Сахаров А. М. Ремесленное производство в городах Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.— «Вопросы истории», 1955, № 4.
233. Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980.
234. Сахаров И. Путешествия русских людей в чужие земли. Ч. II. СПб., 1827, с. 1—28.
235. Савваитов П. Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград. СПб., 1872.
236. Свердлов М. Б. Исследования по истории Древней Руси в ГДР.— «История СССР», 1971, № 6, с. 194—201.
237. Свердлов М. Б. Скандинавы на Руси в XI в.— «Скандинавский сборник». Таллин, 1974, вып. 19, с. 55—68; резюме на эстонском и шведском языках на с. 69.
238. Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: Межвузовский сборник. Отв. ред. А. Д. Столяр.— Л., Изд-во ЛГУ, 1982.
239. Седельников А. Д. Очерки католического влияния в Новгороде.— «Доклады АН СССР», 1929, вып. 1.
240. Сенковский О. И. Саги в отношении к русской истории.— «Библиотека для чтения», т. I, отд. 3, СПб., 1834, с. 1—77.
241. Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
242. Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907.
243. Симонов Р. А. Кирик Новгородца — ученый XII века. М., 1980.
244. СинOPSIS, или краткое описание от различных летописцев о началах словенского народа. СПб., 1774.
245. Сказания иностранных писателей о России, изданные Археографическою комиссиею, тт. 1—2. СПб., 1851—1868.
246. Сергеевич В. И. Вече и князь. М., 1867.
247. Славянский С. Историческое обозрение торговых сношений Новгорода с Готландом и Любеком. СПб., 1847.
248. Сношения России с Востоком по делам церковным. Ч. I. М., 1858.
249. Соловьев С. М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846.
250. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Тт. 1—29. М.— СПб., 1861—1881.
251. Сперанский М. Н. Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., 1934.
252. Строев С. Первоначальное образование и распространение немецкого двора в Новгороде.— «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1938, № 3.
253. Срезневский И. И. Древнейшие договорные грамоты Новгорода с немцами: 1199 и 1263 гг.— «Известия Академии Наук по Отделению русского языка и словесности», 1857, т. VI, вып. 2.
254. Суворов Н. С. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнерусского права. Ярославль, 1888.
255. Сумароков А. П. (1718—1777). Синав и Трувор. [Трагедия].— «Избранные произведения». Пг., 1916.
256. Суриков И. З. (1841—1880). Садко. Поэма.— «Собрание стихотворений». Л., 1951, с. 190—206. [Поэма послужила основой либретто одноименной оперы Н. А. Римского-Корсакова].

257. *Татищев В. Н.* История Российская в семи томах. Т. 3, М.—Л., 1964; т. 5, М.—Л., 1965.
258. *Протоиерей П. И. Тихомиров.* Кафедра Новгородских святителей со времени введения христианства в Новгороде до покорения его Московской державе. Т. I. Новгород, 1891
259. *Тихомиров М. Н.* Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV веках. М., 1941.
260. *Тихомиров М. Н.* Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.) М., 1966.
261. *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
262. *Толочко П. П.* Этническое и государственное развитие Руси в XII—XIII веках.— «Вопросы истории», 1974, № 2, с. 52—62.
263. *Толстой А. К.* (1817—1875). Садко.— «Стихотворения». Л., 1958, с. 291—300; Посадник. [Драма].— «Сборник сочинений А. К. Толстого». СПб., т. 2, 1907.
264. *Толстой М.* Святые и древности Великого Новгорода. М., 1862.
265. *Томилин Р.* Великоновгородская святительская кафедра в историческом значении. СПб., 1851.
266. *Троицкий И. М.* Возникновение Новгородской республики.— «Известия АН СССР», серия 7-я, отд. обществ. наук, 1932, № 4.
267. *Успенский Ф. И.* Русь и Византия в X веке. Одесса, 1888.
268. *Фасмер Р. Р.* Клад куваческих монет, найденный в Новгороде в 1920 году.— «Известия Государственной академии истории материальной культуры», 1925, т. 4.
269. *Фехнер М. В.* Испано-русская торговля XII века.— «Труды Государственного Исторического Музея», 1980, вып. 51, с. 124—130.
270. *Ф. П.* Жизнь преподобного Антония Римлянина, Новгородского чудотворца, с приложением краткой истории Новгородского монастыря. Новгород, 1897.
271. *Форстен Г. В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI вв. СПб., 1884.
272. *Херасков М. М.* (1733—1807). Царь, или Спасенный Новгород. Поэма. М., 1800.
273. *Хижняк Антон.* Галицкое посольство в Новгороде Великом.— «Даниил Галицкий». Роман. М., 1957, с. 196—200.
274. Хождение Стефана Новгородца.— В кн.: «Памятники древнерусской литературы». Вып. 4. Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., АН СССР, 1934.
275. *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.
276. *Хорошкевич А. Л.* Русский город XI—XVII вв. в современной буржуазной науке.— В сб.: «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма». М., 1962.
277. *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963.
278. *Хорошкевич А. Л.* Основные итоги изучения русских городов XI—первой половины XVII вв.— В сб.: «Города феодальной России». М., 1966.
279. *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI вв. М., 1980.
280. *Цветаев Д.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. 1890.
281. *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960.
282. *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.
283. *Шамбинаго С. К.* Повести о Мамасвом побойнсе. СПб., 1906.
284. *Шаскольский И. П.* Посольство Александра Невского в Норвегию.— «Вопросы истории», 1945, № 1, с. 113.
285. *Шаскольский И. П.* Договоры Новгорода с Норвегией.— «Исторические записки», 1945, № 14.
286. *Шаскольский И. П.* Борьба Новгорода и карел против шведской экспансии в XII в.— «Известия Карело-Финского филиала АН СССР», 1951, № 2, с. 13.
287. *Шаскольский И. П.* Борьба Александра Невского против крестоносной агрессии конца 40—50-х гг. XIII в.— «Исторические записки», № 43, 1953, с. 182—200.
288. *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978.
289. *Щеглов Д. Ф.* Кто были варяги-русь, то есть, что мы такое? — «Отечественные записки», 1860, № 7/8.

290. *Schlater W.* Die Nowgoroder Schra in ihrer geschichtlichen Entwicklung von 13. bis zum 17. Jh. Dorpat. 1911, S. 23—31.
291. *Шлецер Ф. О.* О торговых сношениях Новаграда с Любеком в средние века.— «ЖМНП», 1839, ч. XXII, отд. 2, с. 1—16.
292. *Эверс И.-Ф.-Г.* Древнейшее русское право в историческом его развитии. СПб., 1835.
293. *Эймундова сага.* Перевел с исландского и критически объяснил О. Сенковский. СПб., 1834.
294. *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г., т. I, СПб., 1889.
295. *Югов А. К.* Невская битва. Глава из романа-эпопеи «Ратоборцы».— В кн.: «Избранные произведения в двух томах». Т. I, ч. 2. «Александр Невский». М., 1975.
296. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962.
297. *Янин В. Л.* Находка польского свинца в Новгороде.— «Советская археология», 1966, № 2.
298. *Янин В. Л.* Новгородские грамоты Антония Римлянина и их дата.— «Вестник Московского университета», серия IX, История, 1966, № 3, с. 69—80.
299. *Янин В. Л.* Проблемы социальной организации Новгородской республики.— «История СССР», 1970, № 1.
300. *Янин В. Л., Алешковский М. X.* Происхождение Новгорода. (К постановке проблемы.) — «История СССР», 1971, № 2, с. 32—61.
301. *Янин В. Л.* Князья Копорские. (Из общественно-политической истории Новгорода. 80—90-е гг. XIV в.) — «Вестник МГУ». Серия 8. История, 1978, № 6, с. 14—24.
302. *Янин В. Л.* К вопросу о роли синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в.— В сб. статей: «Летописи и хроника». АН СССР. Институт истории СССР. 1980 г. М., 1981, с. 153—181.
303. *Янин В. Л.* Открытие древнего Новгорода. Наука раздвигает горизонты.— «Правда», 24 января 1983 г.

(Окончание следует)